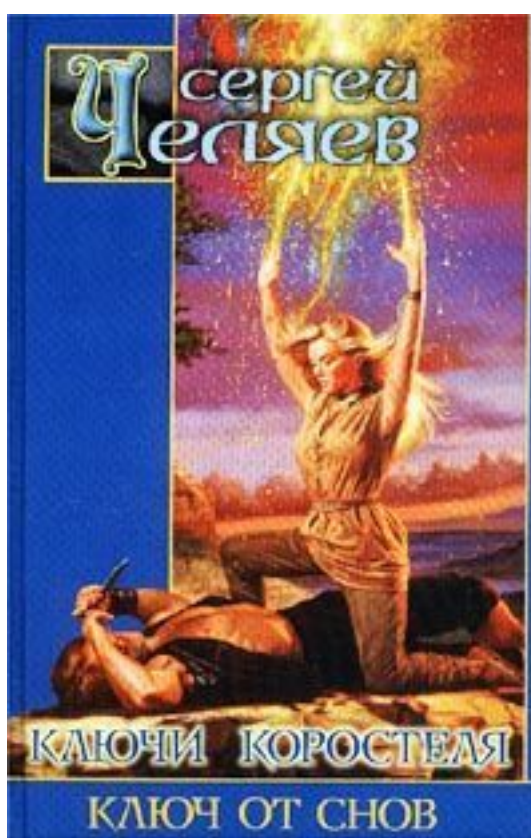

Сергей
Челяев

КЛЮЧИ КОРОСТЕЯ

КЛЮЧ ОТ СНОВ

Ключи Коростеля

Сергей Челяев

Ключ от Снов

2002

Челяев С.

Ключ от Снов / С. Челябин — 2002 — (Ключи Коростеля)

...И завершится однажды Путь веселого бродяги Яна Коростеля. Путь, что лежит меж Светом и Тьмой, меж Добром и Злом.....Волей, неволей ли стал Коростель воином, защищающим Свет от Тьмы? Волей, неволей ли ввязался в войну с порожденьями Мрака – зорзами? Это уже не важно. Потому что – не остановиться уже Коростелю на Пути, что проведет его – через чертоги богов самой Смерти – к месту, где сойдутся Ключи его судьбы – Ключ от Деревя, Ключ от Снега и Ключ от Снов... Через великие сражения, через силу меча и магии лежит дорога. Куда? Узнать это можно – лишь дойдя до конца...

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
ВСТУПЛЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	27
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	44
ГЛАВА 9	49
ГЛАВА 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Челябин

Ключ от Снов

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРАВИЛА ЦВЕТОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

В этом мире есть законы травы, и есть обычаи камней. Огонь и вода имеют свои заповеди, облака неспешно прокладывают по небу свои неслучайные пути, а реки и ручьи всегда знают свое начало и свой итог. Извечны лесные тропы, но никто еще не видел того, кто их прокладывает, минуя непроходимые кустарники и опасный бурелом. И у деревьев есть свои правила, время спать в белом призрачном оцепенении и время бурлить весенними соками. Говорят, они даже умудряются порой по ночам ходить друг другу в гости, если только верно то, о чем изредка рассказывают заблудшим путникам таинственные и легендарные лесные пастыри, а они, по слухам, сами поросли зеленым мхом и древесной корой. У них тоже есть свои обычаи, наиглавнейший из которых – никогда не являться на глазах более чем двум людям, способным поведать другим об их секретах.

Есть законы и у людей, но странное дело – для простого человека они подчас темны и неподвластны его разумению. Есть свои кодексы у магов и чернокнижников, правила врачевания у знахарей и ведунов, таинственные постулаты у магов, светлые обычаи у белиц и речных берегинь.

Но все заповеди и условия, какими бы таинственными и сокрытыми они ни были, все магические законы и обычаи всегда ведут свое начало от пяти вершин древнего пятиугольника, которому до сих пор еще поклоняются в лесистых холмах айров и скоттов, на ракушечных отмелях северных владений свеев и норгов. Кольца, линии, слова и металлы навеки соединил в своей непостижимой по замыслу магической звезде Создатель, прихотливо перемешав свои мысли и замыслы, чувства людей и свойства веществ и предметов. Каждая вершина суть целого мира знаний и магии, опытов и открытий, зачастую сумрачных оттенков, требующих годы и годы странствий во тьме, на ощупь, и дорогой ценой порой платили оступившиеся. Четыре вершины, четыре мира, четыре наглухо закрытые двери.

И только пятая заповедь доступна каждому начинающему адепту, потому как нет в ее словах ни тайны, ни тьмы. Имя ее – Правила Цветов, и в особенности хорошо известны они владеющим искусством рисунка и чертежа. Правила Цветов повествуют о Цветах и Оттенках, об умении смешивать Большое с Малым, о Контрастах и Разноцветье. Никакие особенные неприятности не поджидают на этих путях нерадивого, разве только одна всепоглощающая Серость, без движения, без жизни. Может быть, поэтому ищущие глубоких откровений издавна обходят Правила Цветов стороной, имея их в виду и не более того. В ряду тайных знаний и магических искусств стоят они в самом начале и являют собой удел подмастерьев и неисправимых романтиков-неумех.

ГЛАВА 1

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

Эгле ворвалась в дом как метельный снежный дух: вся запорошена белым, на ресницах и волосах – крупные натающие снежинки, из-за двери тянуло морозцем.

– Ян ушел! – закричала она в отчаянии, и тут же слезы брызнули у нее из глаз. Эгле зло смахнула их рукавом, но лицо ее тут же перекосила гримаса боли и отчаяния, и девушка опрометью бросилась к Травнику, который тут же вскочил с кровати, как отпущенная пружина. Симеон протянул руки и вовремя – девушка повисла у него на плечах, вздрагивая всем телом от сотрясавших ее рыданий. Травник крепко обнял ее и осторожно погладил по спине, успокаивая и что-то тихо шепча ей на ухо. Наконец молодая друидесса пришла в себя, успокоилась и медленно отпрянула от друида. Тот спокойно ждал, но в глазах Травника была тревога.

– Я так и знала, – прошептала Эгле. – Он мне еще ночью говорил, что... что уйдет и непременно убьет их всех.

Так и сказал? – недоверчиво покачал головой Симеон.

– Не совсем... – смутилась девушка. Она на миг призадумалась, вспоминая подробности их ночного разговора.

– Шел очень сильный снег, такой пушистый, крупный. Ян сидел у окна и смотрел на снег. Он выглядел... просто как покойник. Помню, я еще хотела его хоть как-то успокоить и сказала, чтобы он не боялся за ее жизнь, этой... Руты...

– Почему? – тихо спросил Травник, внимательно глядя девушке прямо в глаза.

– Я почему-то в этом была уверена... – Эгле смутилась, осеклась, подбирая слова. – Мне и сейчас кажется, что зорзы ничего ей не сделают. Я это почему-то чувствую, как будто даже знаю. Странно... но мне сейчас и самой непонятно, откуда во мне эта уверенность...

– А Ян – он чего-нибудь тебе говорил?

– Да, – тихо ответила Эгле. – Он сказал: «Я знаю. Им нужен я. И, значит, придется идти.

– Зачем? – медленно проговорил Симеон.

– Я тоже спросила, – кивнула Эгле. – Наверное, он думал, что тогда они отпустят девушку. Мне же кажется, что он задумал убить этого вашего Молчуна, а потом уже – и Птицелова. У него в руке все время был нож, тот, что скрепил заклетье Силы Древес – с полосатой рукоятью, словно бы из стекла или слюды, почти прозрачной.

– Что было дальше? – голос Травника был сух и бесстрастен – как и всегда, когда друид о чем-то напряженно думал, прежде чем принять единственно правильное решение.

– Я пригрозила, что пойду за ним следом, а он... Он уснул. Понимаешь, Травник? Он просто взял и уснул! Ты можешь себе представить?

Друид кивнул. Затем глянул в окно – неподалеку темнела фигура Марта, который всю ночь провел в карауле, маясь не столько дежурством, сколько не проходящей болью в раненом плече. Где-то за домом слышалось похрюкивание и глухое бормотание – это лениво и неохотно просыпался кобальд. Травник повернулся к Эгле, на которой лица не было.

– Ручаюсь, что Март его не заметил.

Он тут же остановил предостерегающим жестом готовящуюся вырваться из уст Эгле возмущенную реплику.

– Скорее всего, его не заметил бы никто.

– Так ты думаешь, что его уберег Ключ? – недоверчиво протянул Март после того, как он оправился от неожиданного шока: молодой друид всю ночь не сомкнул глаз и мимо него мышь бы не проскользнула, не то, что – взрослый человек, вооруженный и снаряженный по-

походному. Из кухоньки исчезли выдавшая виды дорожная котомка Коростеля и его одеяло. Не было и ножа Снегиря.

– Это – единственное объяснение, как он мог обмануть такого неусыпного стража, как ты, Збых, – покачал головой Травник, и щеки Марта, несмотря на то, что в словах Травника не было и тени иронии, медленно залил бледный румянец.

– Если бы я сторожил, меня уж точно не обманула бы никакая вещица, сделанная из железа, – подал голос из дальнего угла комнаты Хрум, но на реплику любящего прихвастнуть кобольда никто не обратил внимания. Хотя в воинских умениях Хрума вряд ли бы кто усомнился, во многом оттого, что мохнатый бочонок его тушки был во многих местах украшен повязками и нашлепками с мазями, которыми Эгле обычно врачевала боевые раны и ссадины своих товарищей. В минувшем бою Хрум подрался на славу, в немалой степени поразив не только врагов, но и своих компаньонов, впервые увидевших в ратном деле столь необычное существо.

– Сейчас не до пустого бахвальства, – отрезал Ивар, и Травник взглянул на разведчика с удивлением. Тот обычно держался с коболдом подчеркнуто уважительно, видимо, склочный нрав мохнатого компаньона был ему знаком даже слишком хорошо. А сейчас кобольд разом сник, опустил глаза и стал преувеличенно внимательно изучать столешницу. – И, предупреждая возможные благородные порывы, которые, поверьте, легко читаются в ваших глазах, я, пожалуй, скажу так: Яна надо выручать, но никто из вас со мной не пойдет.

– Ты хочешь идти один? – теперь Симеон удивился уже всерьез.

– Во всяком случае, со своим плечом ты мне, уж извини, пока не помощник, – скептически покачал головой разведчик.

– А нам что – прикажешь охранять свою драгоценную избушку? – тихо проговорил, еле шевеля губами, Март. У молодого друида такая манера вести беседу обычно означала, что он уже принял собственное решение, и переубедить его теперь будет трудно. Вернее сказать, вообще невозможно. – Эти стены мне уже порядком опостытели. Мне кажется, что я тут – как в мышеловке.

– Если прикажу – будешь охранять, – сухо заметил Ивар, и его глаза вдруг недобро блеснули. – Тем более – эти стены. Хотя бы потому, что ты, друг ситный, не знаешь, что может скрываться за ними.

– А загадками-то зачем говорить? – неожиданно вступилась за Збышека Эгле, что ей, вообще-то говоря, было совсем не свойственно.

Ивар с минуту молчал, словно взвешивая подходящий ответ, наконец, махнул рукой и сдался.

– Ладно, но только будете делать то, что я вам скажу. Если даже велю носом в снегу закопаться – никуда не денешься, придется.

– Еще неизвестно, кто кого и куда носом ткнет, – подытожил разом повеселевший Март, однако его лицо тут же посерьезнело. – Что до меня, то я больше в этот дом без Яны возвращаться не собираюсь. И без Снегиря...

– Тогда кое-кому придется прежде выслушать меня, – хрюкнул доселе молчавший кобольд. – Как вам, надеюсь, известно, многие скалы на этом острове мне хорошо знакомы. Поэтому мне кажется, я знаю, куда они могли направиться. И мы попробуем их обогнать.

Под таким снегом можно пройти незамеченным в десяти шагах от любого сторожа, думал Ян, понуро шагая меж заиндевевших сосновых стволов, которые тихо качали кронами, облепленными белым. В лесу не было видно ни единой птицы, словно все они давно уже попрятались, пережидая непривычно ранние и такие густые снегопады. Коростель шел, все дальше углубляясь в лес, минуя заснеженные кусты в белых моховых шапках, неожиданно проваливаясь в пока еще неглубокие сугробы, закусив губу и положась на волю providения, кусочек которого,

как он надеялся, тихо наливался робким теплом у него на груди. Ян шел, лелея свое отчаяние и черпая последние остатки уверенности и самообладания в полосатой рукоятки большого ножа, который он неумело прикрепил к поясу. А над ним неслышно плыли тяжелые серые облака, почти касаясь верхушек сосен, безучастные и к нему, и к лесу, и ко всему на свете – тихие дети небесной зимы.

Ян почти не разбирал дороги, бездумно сворачивая, далеко обходя кусты и запорошенный бурелом, словно его целью было как можно дальше углубиться в лес и окончательно раствориться там, в хитросплетении деревьев и снега, который вновь повалил из вышины. Однако если бы кто-то взглянул сейчас на его одинокую фигурку, медленно пробирающуюся сквозь чащобы, с высоты птичьего полета или хотя бы с верхушек сосен над головой путника, то он бы уверился в том, что путь Яна в этом лесу – почти прямой и уверенный. Словно кто-то вел его, не позволяя сбиваться с невидимой дорожки, следы на которой тут же заносило поднимавшейся метелью. Во всяком случае, именно это видела большая красноватая птица, величиной с доброго грача, изредка перепархивая с ветки на ветку в том же направлении, куда продвигался и человек с ножом. По мере углубления в чащу, шишек на ветвях становилось все гуще, и птица примечала их, кося сверху большим насмешливым глазом на идущего внизу человека. Тот, похоже, уже начинал устывать.

К тому времени, когда Яну заступили дорогу два невысоких чудина в меховых шапках и полушубках, плотно перехваченных ремнями и тесемками от колчанов, Эгле открыла глаза в своей кухоньке. Ей опять приснился Ян – один, в заснеженном лесу, и две стрелы, нацеленные ему прямо в лицо из-за кустов. Она быстро поднялась, запахнула платок и осторожно заглянула в комнату. Коростеля за столом не было. Несколько мгновений девушка молча стояла в дверях, затем прислонилась к косяку, страшно побледнела и тихо сползла на пол. Она все поняла. Ян обманул ее. И ушел. По мере того, как понимание этого росло в ее душе, она чувствовала, как в ней вдруг родилось и стало расти и шириться какое-то иное, новое чувство, которому трудно было найти название. Но это была не любовь, чувствовала Эгле. Что-то большее.

Спустя несколько часов оба чудинских стрелка из лука нашли свою смерть в числе прочих своих сородичей, когда на них из лесной чащи стрелой вылетел отряд друидов. Хрум оказался отменным следопытом и к тому же – неплохим стратегом. Всего чуди полегло более полутора десятков, и, зная бы прежде их число, друиды вряд ли решились бы так безрассудно атаковать в лоб.

Половина чудских воинов вылезла из пролома в одном из огромных утесов, которых было немало навалено в беспорядке посередине широкой поляны. Но так неистов был натиск друидов, столь отважен и неукротим оказался в деле Хрум, настолько изобретательным и искусным в ратном деле проявил себя Ивар, что чужь очень скоро усеяла своими окровавленными телами свежий снег, подобно тому, как стремительно разлетаются сухие сосновые чешуйки под настойчивым клювом голодного дятла. Разъяренной кошкой скользнула в зияющее отверстие Эгле, но оттуда неожиданно повалил удушливый седой дым, и девушка, отчаянно закашлявшись, отпрянула. Глаза ее закатились, она упала на колени у входа в грот и стала судорожно хватать ртом воздух. Травник быстро подхватил ладонью изрядную горсть снега, приложил его к лицу молодой друидессы и тут же резким жестом указал Ивару на вход: охраняй мол, если что. Разведчик в ответ кивнул, быстро шагнул к отверстию в камнях и вовремя: из грота тут же вывалился на истоптанную площадку боя бородатый человек в повиытертом овчинном полушубке с дымящимся факелом в одной руке и коротким мечом – в другой. Дальше произошло совсем неожиданное.

Видимо, пришелец уже давненько пробирался в подземной темноте лишь при свете одного тусклого факелка; едва лишь выйдя на свет божий, он прищурился и тут же прикрыл

глаза рукавом полушубка. Впрочем, человек этот был, по всей видимости, бывалый: быстро проморгавшись, он швырнул тлеющий сук в снег и мгновенно выставил перед собой широкое лезвие меча. Разведчик же повел себя совершенно необъяснимо.

Поначалу он надвинулся на пришлеца, норовя оттеснить его обратно в грот. Затем лицо его сменила гримаса чрезвычайного удивления и какого-то внутреннего узнавания, поначалу смешанного с недоверием. Человек в овечьем полушубке лукаво усмехнулся и как-то по особенному крутнул лезвием меча, словно салютуя противнику. Ивар немедленно ответил таким же жестом, после чего голова его поникла, меч выпал из рук, и храбрый разведчик, уже не раз проявивший и доказавший свою доблесть и воинское искусство, покорно опустился на колени перед пришедшим. Март разинул рот, Эгле опешила, Травник тоже был в немалой степени озадачен, и лишь кобольд очень быстро переводил свои маленькие глазки с одного участника этой безмолвной сцены на другого. Затем Хрум решительно выдвинулся вперед и, вперевалочку подойдя к компаньону, заслонил его собой. После чего тут же обдал пришельца ароматами своей открытой пасти, чем, надо сказать, не произвел на того ни малейшего впечатления, и затем принялся беззастенчиво разглядывать незнакомца, как это делают крупные собаки – с серьезным видом поворачивая голову с боку на бок. Тот спокойно выдержал изучающий взор мохнатой образины и перевел взгляд на разведчика.

– Привет тебе, Ивар, прежде сокрытый!

Голос пришельца был чуть хрипловат, но звучен. И еще была одна особенность: слова он выговаривал как-то уж чересчур правильно, словно этот язык был ему хорошо знаком, но все же не был родным.

– Это ты? – тихо вымолвил разведчик, словно каждый звук давался ему с неимоверным трудом.

– Как видишь, – вроде бы усмехнулся незнакомец, но в этой улыбке было столько искренней горечи, что Марту стало не по себе.

– Ты все-таки нашел меня, – полувопросительно-полуутвердительно пробормотал Ивар, и тут незнакомец вдруг улыбнулся широкой доброй улыбкой.

– Будь покоен, друг Ивар – вовсе не за тем, чего ты боялся все эти годы, – заметил человек и, шагнув к разведчику, рывком поднял того с земли. Тот недоверчиво заглянул ему в глаза, и бородач легко потряс Ивара за поникшие плечи. – Все изменилось, друг Ивар. Жаль вот только, что для тебя – так поздно. Хотя, думаю, у нас с тобой впереди будет еще немало всякого разного.

– Вот это точно, – заметил Травник. – Хотя прежде очень бы хотелось полюбопытствовать, с кем, собственно говоря, имеем честь?

– Назовешь меня сам? – подмигнул незнакомец Ивару. Разведчик нерешительно глянул на него, но незнакомец подбадривающе кивнул, и Ивар вздохнул.

– Это – Одинец, – тихо молвил он, и Эгле по-бабьи прикрыла себе рот рукой.

– Какой такой Одинец? – хрюкнул Хрум. – Неужто тот самый?

– Именно, – опустил голову Ивар-разведчик. – Старшина русинских таинников, мастер меча и кулачного боя, доверенное лицо Совета вольных людей Нового Города.

– Добавь еще – сотник Рыцарей Храма, учитель высоких и низменных искусств пронырства, тайнных дел и разведки, – усмехнулся Одинец. – Ну, и самое главное...

– Да... – совсем понурил голову Ивар. У него, похоже, даже удивляться не осталось сил, что друидам было особенно удивительно – в бою у Домашнего озера разведчик проявил себя выше всяких ожиданий, оказавшись самым опытным воином, настоящей машиной для убийства. – Это и есть тот самый русинский воевода, что поклялся при всех на этом острове... собственноручно разрубить меня на кусочки. Едва только представится случай...

– Неужто? – словно бы всерьез удивился Травник. – Ну, дела, братцы...

Кусочки кусочками, а рассказ Оди́нца еще раз подтвердил старую истину: под всякими слухами всегда лежит реальное основание, но вот какой стороной – это всегда вопрос.

Еще до трагедии на острове Колдун заподозрил Оди́нец, воевода русинских таинников, в стане балтов «перевертыша» – шпиона северян. Тот ничем себя не выдавал, да больно уж точно и уверенно караулили свейские секреты все, казалось бы, самые лакомые для умного лазутчика пути проникновения в северный лагерь, на которые любой нормальный человек сразу бы махнул рукой. Да только не опытный лазутчик, каковых в то время было немало и у балтов, и у русинов, да и, чего греха таить, у свеев и норгов хватало. Там хитроумной науке разведки и наоборот – ловле чужих лазутчиков обучал непревзойденный мечник Шедув, человек с очень дальнего Востока, невесть как попавший к дворам свейских королей да норгских ярлов.

И так, и этак меняли маршруты своих таинников и Оди́нец, и Озолинь, да только все без толку – постоянно нарывались проныры на секреты северян и теряли то одного, а то и двух товарищей. Своих погибших проныры неизменно притаскивали обратно в лагерь, а хоронили где-то в лесу, тайком, подальше от чужого глаза. И все больше склонялись оба тайных дел воеводы, что завелся в лагере согладатай, да не простой – опытный, что знает, когда лазутчики уходят из лагеря и куда в эту ночь путь держать будут. Не раз пытались поймать предателя и Оди́нец, и Озолинь, да не знал никто из них, в какую сторону глядеть следует – кругом были либо свои, давно проверенные, либо те, кого до секретов вообще не допускали.

Когда же приключилась беда со Славкой, подругой Ивара, еще пуще наострил уши балтский воевода тайных дел. Тут к нему и принесли лесного голубя-вахиря, что летают в небе низко и бесшумно, оттого и у лазутчиков они в большой чести. А на голубе была записка, что раскрывала врагу план боевых порядков балтов, русинов и полян. Понял в этот час Озолинь, что провели его, что так и не успел бородатый воевода «перевертыша» отыскать среди своих. Была на том листочке бумаги изображена условным знаком балтская дружина. Место ей было отведено в самом центре, поскольку самые многочисленные были на острове балты и вдобавок славились в ратных делах стойкостью и особенным упрямством. А по левую руку от центра положено было стоять балтским же таинникам, которым полагалось не столько оборону крепить, сколько постараться охватить врага сбоку, начать окружение, в то время как основной фронт балтов надлежало немного прогнуть внутрь, заманивая свеев притворным отступлением. На отряд таинников из Балтии как раз и указывала стрелка в голубиной записке вражины-«перевертыша». Видимо, тут и следовало ждать главного напора Севера.

Смертная тоска охватила тогда душу Озолиня, но виду на людях не подал. Оди́нца он решил перед боем не беспокоить, а, переговорив с балтским воеводой, приговорили они снять с центра и сдвинуть на фланг две сотни балтских мечников, уроженцев приморских краев, что дрались отчаянно, потому как больше всех страдали от разбойничьих набегов свеев и норгов.

Переговорив с воеводой и все расставив по местам и на плане, и в душе, вернулся Озолинь в свою палатку. Да только не спалось лазутчику. Вызвал он к себе советчика, тайного друида, и говорил с ним некоторое время. После чего отпустил и долго сидел на кровати, вертя в руках записку и размышляя, в то время, как его люди разыскивали по всему лагерю Ивара. Тогда таинникам уже было известно, откуда взялся предательский голубь. Но так и не нашли нигде в лагере рыжего разведчика, и сон сморил Озолиня. Никому и не ведомо, о чем думал в ту ночь старшина балтских таинников, какими словами поминал Ивара и поминал ли вообще. Но именно той ночью кто-то отравил русинских таинников, а пришедший день не суждено было пережить и самому Озолиню.

– Крепко осерчал я тогда на тебя, сынок, – усмехнулся Оди́нец и почесал в затылке, а Ивар опустил очи долу. – А все-то оказалось иначе. Эх, кабы только знать заранее...

ГЛАВА 2

МИСКА С ВОДОЙ

– Честно говоря, я тебя тут уже давно в гости поджидаю, – невесело усмехнулся Птицелов, и Ян вдруг впервые увидел, что зорз скоротечно и как-то безнадежно, обреченно постарел. В висках Сигурда все требовательнее пробивалась ранняя седина, лицо было усталым, чуть ли не изможденным. Казалось, старшина зорзов только что вернулся из тягостного и опасного путешествия, в котором пространствовал чуть ли не всю свою жизнь, и вот теперь увидел, что домашний очаг остыл, дом разрушен врагами, а соседи его подчеркнуто не узнают и при встрече опасливо отводят взор.

Но не было у Сигурда никакого дома, не было и очага в нем, и соседей он себе никаких не обрел – лишь только одни слуги были рядом с ним, преданные и самоотверженные как собаки, и столь же бесполезные, если дело касалось тихой беседы и простого человеческого тепла и отдохновения. А может, все это тоже было, но не хватало лишь одного – самого Птицелова, всю жизнь стремящегося к Одному, забывая о Многом или попросту – больше ничему не придавая значения.

Ян молчал. Руки его были крепко скручены за спиной, и сейчас он чертыхался про себя от злости и горькой досады. Коростель вовсе не ожидал так скоро попасть в плен, не успев фактически ничего – ни Руту освободить, ни с врагом посчитаться. Хотя в душе он, возможно, лукавил перед самим собой: Коростель догадывался, что Птицелов ждет его, предполагал – зачем, и эти смутные догадки вперемешку с отчаянием и привели его сюда, в стан врага. А его поймали на крючок, точно рассчитав наживку. Последнее обстоятельство озадачивало его более всего, хотя миновать этот крючок он не мог и сознательно шел на него, чтобы схватиться с рыбаком в открытую.

За ночь Ян окончательно пришел в себя. Он понимал, что в нынешних планах Птицелова что-то дало трещину, что-то изменилось, и потому зорз был вынужден прибегнуть к последнему средству. Но что могло так измениться всего лишь за несколько дней с тех пор, как он сам фактически предался его власти? И ведь тогда Птицелов все-таки отпустил его? Этого Ян Коростель объяснить не мог, но он чувствовал, что зорз стремится заполучить не просто его, Яна, а что-то особенное в нем самом, нечто, скрытое для самого Коростеля, но отчего-то хорошо известное самому Птицелову. Ему казалось, что развязка близка, но что должно для этого произойти, Коростель никак не мог взять в голову. А прежде он должен во что бы то ни стало добраться до двух человек. Одну из них – спасти. А другого... Прошлой ночью он жаждал убить Молчуна – это, казалось, было сейчас его единственной целью, которой он жаждал с такой ненавистью. Сейчас он уже не был в этом уверен. Получалось, что Коростель просто пришел сюда, как прилетает бабочка – на свет огня, но этот огонь был черен, а его крылья и без того уже обгорели. Развязка была близка, она была совсем рядом...

Ян поднял тяжелую как свинец голову и ненавидяще глянул зорзу прямо в глаза.

– Я же говорил тебе, что ты непременно придешь сам. И, по-моему, ты уже на несколько часов опоздал, а?

– Что тебе от меня надо? – облизнул пересохшие губы Коростель. Птицелов шагнул к нему, рывком поднял Яна с лавки, повернул спиной и ловко разрезал пути невесть откуда появившимся в руке ножом. Затем легко толкнул, так что Ян не удержался на ватных ногах и едва не упал.

– Вот видишь? – услышал он насмешливый голос за спиной. – В лоб мы зачастую способны выдержать все бури небесные и грады земные, но достаточно только слегка подтолкнуть тебя в спину, и любой карточный домик немедленно рушится. В пух и прах! А что и есть такое – Человек, милый мой Ян, как не карточный домик?

– Где Рута? – процедил сквозь зубы Коростель, мысленно оценивая расстояние до зорза и свои силы.

– Она уже в пути, – успокоительно прикрыл глаза Птицелов. – Но ты не беспокойся – скоро уже мы тронемся вместе за ней вдогонку. Ты не рад, приятель? Тем более что твои друзья ведь не заставят себя ждать, верно? Потому надо поторопиться! Вот только интересно знать, как ты умудрился улизнуть у них из-под самого носа? Там же был кобольд!

Ян упрямо молчал, но в глазах его медленно разгорался нехороший огонек. Он и так догадывался: приманку будут вести перед ним, как морковь на шесте перед глупым выучным ослом, зная, что он пойдет куда следует. Уже зная... Птицелов как всегда был неплохо осведомлен о нем, иначе откуда бы ему знать о Руте? Странно...

– Я никуда не пойду, – наконец прошептал Коростель. Это было неправдой, но сейчас Ян разозлился. Получается, что он опять был вынужден идти у зорза на поводу, просто в этот раз повод стал уже настоящей удавкой, могущей в любую минуту захлестнуть горло смертельной петлей.

– Думаю, все-таки пойдешь, – невозмутимо покачал головой Сигурд. – Когда выслушаешь.

– Когда сели в лужу Кукольник с Коротышкой, я впервые серьезно задумался. Они, конечно, олухи, дурни и притом еще петухи порядочные – им бы только друг перед другом хвост распускать. Одно слово – комедианты! – Это слово Птицелов произнес с особенным презрением, словно эту категорию людей он презирал больше всех иных людских сортов. Но было в этом слове что-то еще, то, чего Коростель не мог пока объяснить.

– Но зато свое дело они знают, и почище иных чистоплюев, – усмехнулся Сигурд. – И я почувствовал: что-то тут не то, братцы! Ведь магии, которую использовали мои слуги, ничто не может противостоять ни в этих землях, ни даже в Заповедных лесах друидов. Во всяком случае, мне таковая неизвестна. И все же кто-то это сделал! Кто-то встал у меня на пути! Ведь не дикий же друид-лесовик, не глупая как пробка деревянная кукла, и не выжившая из ума ведьма, которой уже давно пора бы впасть в старческий маразм?!

– Ты просто недооцениваешь магию друидов, – мстительно усмехнулся Коростель, но и мрачной же была его улыбка! Птицелов рассказал ему все, что случилось с Кукольником и Коротышкой, и Ян не знал – почему, но все же теперь немного приободрился. Получается, что Лисовин и Гвинпин были целы и невредимы, во всяком случае, до недавнего времени. О старой друидессе он прежде не раз слышал от Травника, и если была правдой хотя бы малая часть его рассказов – а не верить Симеону у Коростеля не было причин, – то Птицелов мог весьма и весьма заблуждаться насчет ее способностей остановить зорзов в собственном Лесу Круга.

– Нельзя недооценивать то, чего нет! – отрезал Птицелов. Зорз в мгновение ока преобразился: сейчас он был очень возбужден, лихорадочный румянец заиграл на его щеках, и все лицо Птицелова, минуту назад бледное и землистое, словно пылало и светилось изнутри темным пламенем. – У друидов никогда не было и не могло быть никакой магии. Друиды – это не творцы, они – жрецы, адепты, понимаешь? У служителей не бывает своих Искусств, они подобны планетам, а не звездам – всегда светят только отраженным светом. Конечно, у них есть всякие свои, друидские штучки, но это – надерганные отовсюду дешевые фокусы и причитания безумных кликуш. Там нет главного – Системы. Они, может быть, еще знают Правила Цветов, но пусть попробуют постичь Правила Соцветий!

Ян непонимающе смотрел на зорза – он никогда еще его не видел таким.

– У Реки мы ведь тоже не пробились... И что – выходит, нас не пропустили два бесплотных духа? Да еще безмозглый чуд с собачьей башкой вместо нормальной человеческой головы? Ведь это просто смешно! Но это так!!! Сюда мы кое-как вернулись, уже на издыхании – и вот результат. Мне нужно было сразу догадаться: кто-то мешает! Или что-то...

Ян с угрюмым видом слушал откровения Птицелова. Тот, казалось, рассуждал вслух и вместе с тем все время обращался к Коростелю, будто призывал его в судьи или советчики. Хотя Яну больше ничего и не оставалось: по углам маленькой закопченной комнаты неподвижными изваяниями застыли Колдун и Лекарь – оба со следами ран на лицах, угрюмые, молчаливые и смертельно опасные.

Птицелов на секунду перевел дух – у него неожиданно перехватило дыхание, и он никак не мог отдышаться. Куда только подевались все его бывшее равнодушие и хорошо наигранное безразличие! Зорз был возбужден, возмущен, разъярен – и по-прежнему очень опасен. Сейчас он напряженно искал пути к себе прежнему и, похоже, обретал их. Коростель про себя от души пожелал ему провалиться сквозь землю – наверное, это был бы наилучший выход для всех. Кроме него и Руты.

– И тогда я все-таки нашел его, того, кто мне мешал. Понимаешь, Ян?! Ты себе хотя бы представляешь, кто это может быть?

Молчание было ему ответом. Впрочем, Ян прислушивался уже с понятным интересом. Он искал в Птицелове брешь. Хоть какую-то.

– С детства, с самого что ни на есть сопливого пацанства, я всегда приучал себя искать все причины собственных бед и болячек только в себе. Исключительно в себе! И хорошо, что я вовремя об этом вспомнил – потому что я стал об этом думать!

Птицелов саркастически возвел очи долу. Все в нем было сейчас, пожалуй, одинаково и искренне, и фальшиво. Коростель прежде в жизни никогда не видел, чтобы в одном человеке эти черты уживались настолько равноправно и настолько – независимо. Он не верил Птицелову, не верил ни единому его слову. Но он слушал, хотя бы для того, чтобы за время этих философских диалогов вновь набраться сил, пусть и пополам с темным отчаянием.

То, что поведал ему Птицелов о событиях на Пароме Слез, стало для Яна полной неожиданностью. Он ничего не знал о посмертной судьбе Книгочея, который, оказывается, и на том свете продолжал бороться с зорзами и помогать своим друзьям-друидам. Он вообще ничего не знал о том, что такое возможно! И он не мог себе даже представить, что возможен союз двух духов, один из которых отпущен буквально с того света! Он и не подозревал, куда попали Лисовин с Гвинпином, и есть ли вообще такие странные места в том мире, обитателем которого он всегда себя считал. Но главное было в том, что вновь стали оживать страницы прошлого: его дом, встреча с Камероном, смерть старого друида и... миска с водой.

– Я сразу ее вспомнил. – Голос Птицелова теперь был глухим, дыхание – прерывистым. – Долгими вечерами, безрадостными утрами, день и ночь я ломал голову: где, в чем я когда-то допустил ошибку? И, наконец, понял! Именно той ночью, в поединке с Камероном, в том проклятом лесу я утратил себя. Не всего, разумеется, но – именно те силы, восполнить которые в итоге я, похоже, оказался уже не в силах.

– Это не было поединком, – мрачно отозвался из своего угла Коростель.

– Что ты сказал? – Брови Птицелова влетели вверх.

– Это не было поединком, – упрямо повторил Коростель. – Это было предательское нападение из засады. Подлость! Как мерзкая рысь, которая всегда прыгает с дерева тебе на спину.

– Ты так думаешь? – холодно осведомился зорз. Он, казалось, искренне заинтересовался словами своего пленника.

– Я знаю, – ответил Коростель. – Камерон мне сам это рассказал... перед смертью. Он еще сказал, что узнал ваше оружие.

– А я и не собирался устраивать всякие там рыцарские поединки, показательные единоборства и прочую ерунду, – усмехнулся Птицелов. – Эти кодексы чести, я так думаю – плохое подспорье в настоящем деле. Они, знаешь ли, мешают результату! Жаль, что мы все-таки не убили старика, а только ранили. Впрочем, – он заговорщицки поднял палец, – иное ранение подчас бывает опаснее даже смертельной раны. Надо только хорошо знать, куда бить!

Коростель промолчал, но весь обратился в слух. Он уже знал, что Птицелов вновь намеревается использовать его в своей дьявольской игре, но отнюдь не собирался быть в ней послушной пешкой. Коростель поджидал только удобного момента, чтобы решить все. А потом, наверное, придется умереть.

Нападение на Камерона из засады в литвинских лесах, неподалеку от старой крепости Аукмер, зорзы готовили столь же долго, сколь и тщательно. Последние два дня пути старого друида до реки, неподалеку от которой стоял дом Яна Коростеля, Колдун с Коротышкой неотлучно следовали за Камероном на почтительном расстоянии. Засада зорзов была устроена мастерски: пару раз всего в нескольких шагах от скрытых в кустах зорзов проходил могучий олень, а однажды просеменила приземистая, вечно озабоченная кабаниха, полосутому отпрыску которой в итоге пришлось внести разнообразие к походному кухонному столу маявшихся от безделья подручных Птицелова. Но даже высокое воинское искусство зорзов, изрядно подкрепленное магией некромантов, помогло напавшим не сразу. Камерон, быстро оправившись от неожиданности ночного нападения, сумел ловко отразить замотанным в плащ локтем брошенный в него нож, отбил лезвием меча удар топора, но тут же получил в шею из духовой трубки невидимую в ночной тьме иглу. Старик сгоряча смахнул ее рукой, но действие магического снадобья, которым было заботливо смазано острие, мало-помалу начало действовать. Друиду неожиданно почудилось, что всю полянку, на которой его и подкараулили враги, стало вдруг заволакивать густым белесым туманом, в глазах потемнело, пошли красные и черные круги, и полуослепший Камерон, отчаянно отбиваясь верхом, пропустил удар меча. Ахнув, он прижал рану ладонью, из последних сил выкрикнул в ночь охранное заклинание и повалился на конскую шею, охватив ее слабеющей рукой. Уже в самый последний миг, когда его сознание стало туманиться и гаснуть, Камерон успел прошептать коню всего одно только слово, и умное животное поднялось на дыбы, разбросало наседающих на него со всех сторон вооруженных людей и помчалось в чащу. Раненый Камерон уже не мог видеть, как в конский круп и бок со свистом вонзились две стальные иглы – друид провалился в темноту, выбраться из которой он был уже не в силах.

Птицелов в те минуты был абсолютно уверен, что отныне Камерон – в его власти. На меч Колдуна им было наложено заклятье оборотничества, которое давало Птицелову неограниченную власть над всяким, раненым или даже убитым таким заклятым оружием. Но темень в лесу была такая, что зорзы, кинувшись в погоню, быстро потеряли след коня. Птицелов, впрочем, был уверен, что проклятый друид применил одно из своих охранительных заклятий, что были в такой чести среди лесных служителей. Быть может, именно оно-то и сбило с толку опытных следопытов Птицелова. И когда зорзы после многочасовых поисков вышли к плетню Коростелева дома, Птицелов уже знал, что опоздал. Их ночные поиски изрядно задержали и странные приступы обессиливающей слабости, первый из которых Сигурд ощутил уже через два часа после того, как бешеный конь унес Камерона из-под самого носа зорзов. Второй приступ оказался еще тяжелее: у Птицелова на ходу внезапно хлынула кровь из носа и ушей, разом отказались действовать и руки, и ноги, и несколько мгновений зорз совсем не чувствовал собственного тела. С тех пор подобные приступы несколько раз опять повторялись, хотя уже и не так тяжело: вновь шла кровь, холодели руки, и тошнотворно мутилось сознание.

Сигурда неоднократно посещали смутные подозрения, но после своего троекратного поражения он уверился в том, что главная причина всех его неудач – в нем самом. Он растратил силу, причем весьма немалую ее часть. В глубине своей мятущейся души Птицелов не верил, что кто-то или что-то может так успешно противостоять ему и расстраивать его планы сразу в нескольких местах, и почти – одновременно. Вывод был один: заклятье, наложенное им на лезвие меча, тогда, в лесу, оказалось столь сильным, что по какой-то неизвестной ему причине забрало часть магической силы Птицелова, его сущности, его «Я». И она не вернулась

к своему владельцу, к своему хозяину! Смертельно раненый Камерон исчез, а сила Птицелова ушла, как пришедшая с небес вода безвозвратно уходит в песок. Но на этот раз посланный дождь знал, где его можно отыскать и попытаться вернуть обратно в небеса.

Камерон перед смертью сумел снять с себя смертельное заклятье Перерождения, причем неожиданно простым приемом из обихода бестолковых сельских знахарей и невежественных деревенских ворожей. Тем самым он отринул силу Птицелова, посланную на него древней магией зорзов, помноженной на темное искусство адептов Ордена. Отринул и стряхнул ее... в обыкновенную миску с водой, как отряхивают руки после их омовения! Или же – испачкавшись в чем-то, что еще не успело прилипнуть к рукам как следует. Или вьестся в душу... При этой мысли Птицелов буквально скрежетал зубами, и ему хотелось рвать и метать, крушить все вокруг и, что его страшило более всего, убивать без всяких на то причин.

И медленно, постепенно сводя воедино все нити упорных рассуждений и смутных догадок, Птицелов понял, что он должен сделать, причем как можно скорее. В последнее время его часто снедало смутное предчувствие, что он уже опаздывает к чему-то, куда-то безнадежно не успевает, хотя, казалось бы, во всех своих предприятиях всегда чувствовал себя единственным хозяином положения. И когда Птицелов все-таки нашел ускользающую нить, все сразу встало на свои места.

Миска с водой возле дома мальчишки! Простая железная миска с водой, в которой оказалась утопленной и сокрытой невероятная сила, – вот что на самом деле было разгадкой. Найди Птицелов место, куда впиталось заклятие, – и он вернет свою потерю, а заодно – и обретет власть над мертвым. Ведь душа друида виделась сейчас Птицелову идеальным проводником, могущественным и покорным одновременно. А уж извлечь-то ее из небытия Птицелов сумеет, заклятие оборотничества – могучая сила, способная и мертвому развязать язык. Во всяком случае, так всегда считали маги Ордена, и темные, и серые, и прочие, а они-то уж знали толк в подобных вещах.

Если же душа Камерона, или что там остается от этих проклятых друидов после смерти, будет несговорчивой, Птицелов, уж будьте покойны, сумеет подобрать к ней ключ! И не какую-то там жалкую, никчемную железяку, которая только – проводник, посредник между знаниями Круга и обладателем ключа, посмертного дара самого могущественного друида. Его Ключ – из плоти и крови. И поэтому пора захватить его с собой. Потому что в нем, в этом странном мальчишке, есть что-то еще, чего ему, Птицелову, до сих пор не открыли его тревожные сны.

ГЛАВА 3

МИСКА С ВОДОЙ (окончание)

– Так что уж не обессудь, Ян Коростель, – усмехнулся Птицелов, но столько было горечи в той усмешке, что Яну стало не по себе. – Придется, видно, тебе возвращаться в родные края. А я буду тебе верным и заботливым попутчиком. Со товарищи, конечно – многозначительно добавил зорз, шутовски делая небрежный реверанс в сторону своих прислужников. Колдун мерзко осклабился, а костяное лицо Лекаря вообще не изменило своего обычного выражения безучастного ко всему мертвеца.

– А если я никуда не пойду с вами? – бесцветно откликнулся Ян. Птицелов холодно покачал головой, а Колдун хищно ухмыльнулся и тут же прикрыл узкой ладонью откровенный зев.

– Брыкаться, между прочим, не советую, – серьезно сказал Птицелов. – И сразу хочу предупредить: впереди уже твою деву ведут Кашлюнчик и твой приятель-друид, поэтому в твоих самых скорых интересах, парень, чтобы мы догнали их как можно быстрее. Знаешь ли, ее провожатым я, – тут Сигурд тоже зевнул, играя безразличие, – конечно, строго-настрого наказал не баловать, но ведь всяко случается в этой жизни? Понимаешь?

Ян был разъярен как бык, готовый от бешенства ринуться на зорза и топтать его ногами и душить хоть голыми руками. В то же время какая-то другая часть его сознания внимательно и рассудочно прислушивалась к каждому слову зорза, ловила его взгляды, интонации, малейшие смены настроения. Коростелю сейчас казалось, что в нем только что поселился кто-то другой, что был неизмеримо сильнее его душевно, а оттого – спокойнее. И в первый раз за все время их разговора ему стало страшно.

– Ну, вот, – заключил Птицелов, по-своему истолковав внезапную бледность своего собеседника, – будем тогда считать, что и договорились. Пока с твоей Руткой ничего не случится, это я тебе обещаю. Ну, а дальше все будет зависеть только от твоей покладистости, приятель. Сделаем все как надо – и пожалуйста, совет да любовь: оставайтесь с твоей невестой в своем собственном доме, живите себе дальше да плодитесь на удовольствие. Ну, чем не тихое, уютное счастье, а? Я тебя, можно сказать, на веревке к нему тащу, к самой твоей судьбе, парень. А ты еще хочешь упираться! Вот ведь как бывает на свете!

Птицелов, казалось, даже сам совершенно искренне удивился такому неожиданному повороту своих мыслей. Он и выглядел сейчас гораздо веселее, чем в начале этого трудного разговора. А Ян Коростель тихо и обреченно почувствовал, как нечто, то ли часть его души, то ли какая-то иная сущность мягко и осторожно уходит обратно, во тьму. Словно кто-то, стоя у замерзшего зимой окна, продышал в нем дырочку и все это время внимательно смотрел туда, наружу, а этим холодным окном и был он сам, Ян Коростель. А потом этот некто задернул занавеску, тихо отошел от окна и исчез. И остался один только Ян. И еще – холод, от которого нигде не было спасения.

Рассказ русинского таинника поразил друидов. Уже после окончания битвы, когда над окровавленным островом, казалось, навеки повис запах тления и смерти, к Одинцу, который умудрился-таки выйти из жестокой сечи целым и невредимым, пришел старый балт. Это был один из отряда пропавшего Озолиня, воин-ветеран, что уже многие годы с ведома своего воеводы тайно приглядывал за своими. У входа в палатку Оди́нца охрана не хотела его пропускать, но он только сказал несколько тихих слов, и мечники тут же отступились. Соглядатай же положил на стол перед русинским бородачом лист бумаги и еще один смятый обрывок, разгладил его задубелой от рукояти меча ладонью и ткнул пальцем в замусоленный клочок. Воевода крикнул, смерил старика недоверчивым взглядом, однако подошел к столу, чтобы увидеть то,

на что указывал балт. Перед ним лежала секретная записка, посланная Иваром врагу! А старый таинник указывал Одинцу на... стрелку, что была, видимо, наспех начерчена на обрывке письма тем же карандашом в самую последнюю очередь.

Неровная стрелка указывала на небрежно нарисованную схему, изображавшую расположение войск союзных королевств перед минувшей битвой. Одинец долго смотрел на рисунок и стрелку, после чего медленно поднял голову и встретился с усталым взглядом старого балта из-под нависших кустистых бровей. Тот с минуту с каким-то безразличным ко всему видом смотрел на русинского воеводу тайных дел, после чего с трудом разомкнул запекшиеся губы.

– Отсюда... смотреть... надо было... русин. Отсюда... Понимаешь?

Одинец судорожно сглотнул, молча кивнув.

– Вот оно как значит... получилось... с Иваром-то... – пробормотал старик. Затем вздохнул, тяжело повернулся и, косолапо переставляя ноги, вышел из палатки. А Одинец так и сел на табурет.

Воевода вспомнил, что даже не спросил давеча старого таинника, где тот взял второй кусок письма. Но Одинец внезапно почувствовал, что у него буквально затрещала голова, так что, казалось, сейчас лопнет. Тогда воевода вскочил, бросился из палатки к коновязи и с разбега сунул голову в стоящее тут же ведро с водой. Потом он долго пил и все никак не мог утолить жажду. Наконец, обессиленный, опустился на траву и на все вопросы обеспокоенных телохранителей только горестно мотал головой из стороны в сторону, и лицо его было бледным и землистым, как у человека, долго болевшего и оттого невзвидевшего белого света. Понял русинский воевода тайных дел, что ошибся в том, в чем не ошибался никогда.

Спустя час Одинец все-таки пришел в себя, спешно вызвал двоих своих самых надежных людей и велел им во что бы то ни стало разыскать предателя, балтского разведчика Ивара, но только так, чтобы ни один волос с головы перебежчика не упал. Возмолились оба русинских разведчика: Ивара и без того уже обыскались разведчики и проныры всех королевств, а русины с балтами – те чуть ли не каждый камень на острове перевернули в поисках рыжего изменщика. Но шепнул Одинец им несколько слов, и в лице переменились оба разведчика. Побледнели как полотно оба и рысью бросились в лес. Проводил их Одинец взглядом, сокрушенно вздохнул, покачал головой и вернулся в свою палатку. Не верил он уже, что найдут Ивара, а теперь – в особенности. А мысли его раз за разом возвращались к злополучной, проклятой записке со стрелкой, будь она трижды неладна!

Все получалось иначе, с той самой минуты, как увидел Одинец предательскую записку Ивара. Стрелка его ясно и недвусмысленно указывала, откуда надо смотреть на фронт объединенных королевств. И в этом случае выходило, что менялись стороны местами: правый фланг становился левым, а левый получался правым. Все зависело от того, как смотреть на линию королевских войск. И получалось теперь, что Ивар отправил северянам ложное послание, направив их удар не на русинов, а, напротив – на сильный отряд балтов. А стратегия в этом сражении объединенных королевств и союзника их, Новограда, в том и состояла, чтобы спустя час-другой отчаянной рубки выманить именно на балтов основные силы Севера, прогнать фронт и в притворном отступлении охватить вражеский фланг.

Две мысли теперь тяготили русинского воеводу тайных дел: кто-то, выходит, оклеветал ни в чем не повинного парня, и, возможно, та же рука отравила в ночь перед битвой его, Оди́нца, молодцов. Крепко задумался воевода и, наконец, решился... все оставить, как есть. Своим людям, что воротились ни с чем, велел продолжать поиски, но строго-настрого им наказал: коли попадет в их руки рыжий балт, живьем тащить сразу к нему, Одинцу, без всяких самосудов и измышательства, поскольку будто бы знает балтский лазутчик северные секреты и надобно его сперва допросить с пристрастием, а потом уже и решать, как примерно казнить проклятого изменщиком. Сам же Одинец тем временем внимательно приглядывался, кто в союзном стане больше всех поносит предателя, кто наиболее рьяно организует его поиски, а

кто – наоборот на эту тему предпочитает помалкивать да отшучиваться. Смотрел Одинец, примечал, и все тяжелее становилось у него на душе: чувствовал, что так и не суждено им отыскать Ивара живым. Да и тела несчастного балта не нашел никто из разведчиков и дознавателей, хотя старались все на совесть. Потому, когда отплывал корабль русинских таинников, был Одинец лицом темнее тучи, да все истолковали, что расстроен русинский воевода, что, мол, не довелось ему разорвать рыжего предателя собственноручно, как и пообещал, по кусочку за каждого его погибшего разведчика. Молчал Одинец как рыба и правды не раскрыл никому, поскольку разумно решил – еще не время. А мертвые все равно сраму не имут, как говаривали в его родных краях. Так все и осталось на своих местах, и только душу Одиноца отныне словно кто-то рассек надвое, и половинки ее никак не хотели срастаться, а пропасть меж ними с каждым годом росла и росла.

– А сюда-то ты как умудрился попасть? Неужто прямо под землей прошел? – с любопытством спросил Травник. Этот человек, казалось, умел оставаться серьезным и сосредоточенным в минуты, когда других охватывало безудержное, беспечное веселье, и не падал духом в скорби и смертной тоске.

– А вы о Рыбаке разве не слыхали? – в свою очередь ответил вопросом на вопрос Одинец, и в душе Марта тревожно кольнуло – ему вспомнился извечный спор на тему подобной манеры вести разговор Книгочея и Снегиря. Похоже, от этой болезни страдало немало людей на этом свете!

Подобного поворота в разговоре друиды не ожидали.

– Каком таком еще рыбаке? – прищурился Збышек.

Русин покосился на молодого друида и хмыкнул.

– Каком, говоришь? Да это вам, господа друиды, лучше знать. Я ведь, как бы это лучше выразиться, к вам послан.

– Кем? – быстро спросил Травник, а Эгле непроизвольно сделала шаг назад.

– Да им же и послан, – с досадой вздохнул Одинец. – Рыбаком этим. Ежели конечно мы об одном и том же человеке говорим. И еще добавлю: поспешать бы вам надо. С рассказами да разговорами я совсем о вашем человеке запамятовал, что лежит за камнями. А он плох, так скажу.

– Ты, что, видел Казимира? – встревожился Травник. – Где он?

– Тут вот какое дело... – замялся воевода. – Завалено там все. Сперва надо лучше одному.

И он оценивающе взглянул на друидов. Хрум издал тихое сдавленное восклицание, словно он вдруг подавился прямо посреди оживленной беседы, и решительно направился к пролому в скале. Но его тут же опередил Март. У отверстия они непримиримо взглянули друг на друга и, не уступив и не подвинувшись, оба полезли в пролом. Через мгновение оба исчезли во тьме обвала. Травник тоже шагнул к отверстию и опасливо заглянул туда. Одинец же подошел к Ивару и что-то тихо ему сказал. Разведчик так же тихо ответил, после чего они уселись на камень и стали о чем-то негромко беседовать. Травник обернулся и некоторое время размышлял, глядя на русина и балта.

– Выходит, ты прошел Другой Дорогой? – неожиданно спросил он. Видно было, что Травник не очень-то этому верит, но вывод, к которому пришел друид, по всей видимости, пока был единственно возможным.

– Ваш Рыбак назвал мне это по-другому, – неохотно откликнулся русин. – Но... я забыл. Слово было какое-то мудреное. – И он посмотрел на друида честными глазами старого таинника.

– Угу, – хмыкнул Травник. – Так я и думал. Ну, а если бы ты не прошел?

– Тогда вы бы и сейчас стояли перед этой скалой, – пожал плечами Одинец, – и думаю, она была бы целехонькой, что твои новые сапоги.

Травник скользнул недоуменным взглядом по своим растрескавшимся, выдавшим виды оленьим сапогам, и русинский воевода одобрительно хохотнул.

– Не, это у меня, приятель, присказка такая! Привык, понимаешь...

– Круг никогда не состоял в приятельских отношениях с храмовниками, – отрезал Симеон, стирая улыбку с лица бородача.

– Но ведь и не враждовал, верно? – заметил Ивар, а Одинец одобрительно похлопал разведчика по плечу. В этот миг где-то в глубине пролома раздался тихий гул, словно обвалились огромные камни. Эгле, разом побледнев, метнулась к пролому, но оттуда уже доносилось сосредоточенное пыхтение кобольда и учащенное дыхание Марта. Они несли что-то уже не очень тяжелое.

Лицо Снегиря было бледным и распухшим до чрезвычайности. Кожу усеяла частая сеть мелких порезов, ее припорошило мелкой крошкой гранитного камня и известняка. Все тело некогда дородного друида кровавили раны, на некоторых кровь уже запеклась, а некоторые открылись вновь. Лицо Снегиря было торжественно и спокойно, глаза закрыты. Но самое главное – Снегирь дышал. Тяжело, прерывисто, иной раз – с мучительным стоном и хрипами в груди, но все-таки дышал. И лица друидов посветлели, поскольку они ожидали самого страшного.

– Что же они с ним делали? – горестно прошептал Збышек. – Я так и не понял – какие-то обрывки трубок из него торчали, словно они кровь из него высасывали, нелюди...

– Может, и кровь, – задумчиво проговорил Травник, и тут к нему подошел Ивар.

– Мы тут поговорили с воеводой... В общем, вам надо спешить.

– Надо, конечно надо, – озабоченно откликнулся Травник, осторожно ощупывая тонкими, нервными пальцами шею и грудь лежащего друида. – Только вот, видишь...

– С вашим человеком останемся мы, – тихо, но решительно сказал Ивар. Травник взглянул на него в недоумении.

– Кто это – мы?

– Я, Хрум и... воевода, – ответил Ивар. – Мы с ним уже решили. Если вы хотите попытаться их догнать, вам нужно спешить, а у нас на этом окаянном острове есть еще... дела. У вас своя война, у нас – своя.

– А вы хоть в лекарствах-то смыслите? – поинтересовался Травник. Он уже догадался, какие «дела» собирается вершить здесь эта троица. В скором времени здесь на острове не должно было остаться и следа от убежищ зорзов.

– Порушим вражье гнездо, – словно услышал мысли друида Одинец. – Но прежде покопаясь там у них хорошенько, как знать – вдруг, да что интересное найдем.

– Все может быть, – прикрыл глаза Травник. В этот миг Симеон подумал: ну, вот, впереди – опять погоня, и вновь – неведомыми путями. На него вдруг накатила страшная усталость, прямо-таки смертельная. Перед глазами на миг все поплыло, и он почувствовал острый укол в сердце.

– А лекарство для вашего мы знаем доподлинно, – заметил Одинец. – Одно слово – проныры. Верно?

И он дружески обнял Ивара, который смущенно улыбнулся, но не отстранился. Хотя было видно: столь неожиданное появление на острове русинского таинника и мастера Храма, которого несчастный Ивар столько раз видел в своих ночных кошмарах, зная крутой нрав воеводы, его порядком сбilo с толку.

Травник с минуту смотрел на двух разведчиков, затем прикрыл израненную грудь Снегиря полый плаща.

– Ну что ж... Збых, Эгле – давайте решать. А ты, воевода, объясни, зачем тебя к нам Рыбак послал и как ты вообще сюда попал. Мы ведь отсюда, как я понял, твоим путем выбираться будем?

Через час три человека осторожно вошли в открывшийся портал. Слева перед ними открывался невысокий подземный ход, справа – полузаваленное камнями логово зорзов. На всякий случай взявшись за руки, они свернули налево и стали медленно спускаться вниз, туда, где царила крошечная темнота. Под ногами шуршала каменная крошка, в галерее гуляли шальные ветерки, норовя задуть неуверенный огонь двух факелов. В любую минуту перед глазами друидов мог вспыхнуть свет или разверзнуться пропасть.

Откуда-то из невозможного Далека две безмолвные тени смотрели им вслед. Одна стояла под сумрачным серым небом на речном берегу, мимо которого медленно проплывали огромные льдины. Другая покоилась на дне реки, откуда еще никто не возвращался обратно. Глаза ее были открыты, но в них отражался только лед, тихо и торжественно плывущий где-то в вышине, словно утонувшие облака.

ГЛАВА 4

НЕДУГ

– Всю жизнь я говорил себе: никогда не будь сладким, чтобы тебя не проглотили. Этот мир полон коварных и прожорливых хищников, хотя, по сути, каждый всегда норовит отведать хоть малую толику от слабейшего. Но ни в коем случае не будь и горьким, чтобы тебя ненароком не выплюнули. Потому уж лучше будь пресным, поскольку все на свете – только пыль и вода. И ничего больше, Ян Коростель. Ничего больше.

В размышлениях Яна в последнее время появилась одна маленькая, царапающая душу мысль, которая с каждым часом все более тревожила его, не давая покоя. Ему вдруг представилось, что все, что произошло с ним в последнее время – только звенья одной, хитроумно скованной цепи, кузнец которой шел сейчас рядом с ним, рассуждая и, казалось, не придавая особенного значения, слушает ли его спутник или просто уныло бредет, ничего не видя и не слыша, погруженный в собственные мстительные, но, увы, бессильные мысли.

– Но в этом мире, Ян Коростель, изначально заложена одна всепокоряющая хитрость.

Птицелов на секунду присел, вытряхивая из сапога набившийся снег. Его спутники были, казалось, сделаны из стали. Ян же не чувствовал под собой ног.

– Суть этой хитрости в том, – продолжил Птицелов, вставая и пристально вглядываясь вдаль, туда, где тянулся и ширился нескончаемый заснеженный лес, – что любая сложность всегда и неизменно возвращается к самой что ни на есть простоте. Не веришь?

Ян не счел нужным отвечать, но зорз знал – его спутник все слышит.

– Я долго постигал суть таинственного закона, который в людских источниках именуют Правилами Соцветий. Соединять несоединимое, уметь подобрать к теплomu, живому компоненту то, что вмиг сделает его холоднее и мертвее льда – и обратно, все это мне казалось великой мудростью. Между прочим, я не раз уже применял эти Правила в своих интересах и против интересов моих недругов, и вот впервые потерпел поражение! Ваш друид обманул меня тем, что после долгого, я бы даже сказал, яростного сопротивления, в котором, надо признать, он немало преуспел, явив при этом столь же немалое мужество...

Птицелов перевел дух и покосился на Яна. В ту же секунду он встретился с ответным взглядом своего пленника поневоле и усмехнулся.

– Побереги свою злость, Ян Коростель. Злость уносит силы и тела, и ума, а тебе они еще ой как пригодятся! Так вот, приятель: ваш друид обманул меня именно тем, что совершенно неожиданно стал мне помогать. И я даже знаю, почему.

Он выждал вопросительную паузу, но Коростель вновь не ответил. Птицелов вздохнул и прибавил шаг.

– Потому что его надоумил простой сельский парень. Этаким деревенщина, неотесанный и малограмотный, да к тому же еще и – круглый сирота. Удивительно, верно?

– Ты сам неотесанный, – процедил сквозь зубы Ян, и Птицелов широко улыбнулся.

– Может быть, ты и прав, Ян Коростель; что поделаешь, сейчас я порой тоже начинаю так думать. Во всяком случае, от собственных углов я страдаю не меньше любого другого, уж поверь мне. А ведь и ты не так прост, парень, это я понял сразу, едва только впервые тебя увидел. Признайся, это ведь ты научил друида, и твое решение было не просто умным – оно было забавно, восхитительно простым! А это, между прочим, уже именуется мудростью, если только не цепляться к словам. Вот на эту-то простую удочку я, многомудрый, и попался. А если бы ты только знал, как я тогда был зол на тебя, сударь!

Птицелов шутовски поклонился, но Коростель лишь мрачно отвернулся, чем вызвал у зорза настоящий приступ хохота. Отсмеявшись, Птицелов осторожным движением взял Яна за подбородок, властно повернул к себе и проговорил почти шепотом ему прямо в лицо.

– И вот тогда я вспомнил о Правилах Цветов! Это такой простенький Свод правил для начинающих адептов и подмастерьев от магии, к которым быстро привыкаешь и в дальнейшем начинаешь попросту побыстрее перелистывать в поисках более увлекательных откровений. Всегда очень легко увлечься сложным и позабыть при этом о простом, которое, по сути, чаще всего и несет в себе причину, семя последующих тайн и чудес. Вот вдумайся хоть на минуту: куда мы идем и зачем?

Где-то там, далеко или не очень, впереди шли его враги и вели за собой захваченную Руту. Захваченную из-за него, Яна... Коротышка и Кукольник, если только Сигурд не обманул, сейчас противостояли Лисовину где-то в заповедных друидских лесах. Старика, скорее всего, убили еще на озере. Сейчас с Птицеловом идут Лекарь и Колдун. Значит, Руту ведут Кашляющий зорз и воины. И еще...

Коростелю стало не по себе. Его только что неприятно осенило: на самом деле для охраны Руты его врагам не были особо нужны ни недужный зорз, ни саамы с чужью. Там был тот, кто и совершил это страшное, поистине богопротивное похищение. С Рутой был Молчун.

Идя рядом с Птицеловом и постоянно ощущая спиной цепкий, подозрительный взгляд Колдуна, Коростель успел передумать о многом. Иногда он слушал разглагольствования словоохотливого сегодня Птицелова, но чаще погружался в собственные мысли и воспоминания, отчаянно надеясь, что судьба вновь подскажет ему, как действовать, что делать, когда зорзы приведут его к своей цели и он встретится с Рутой. Первое чувство ярости и жгучей ненависти, которое охватило им при виде похищенной девушки в лодке, на озере, в окружении его врагов, уже прошло, сменившись тяжелым недоумением, а затем – глубокой задумчивостью. Теперь Коростель понимал слова Птицелова, по сути, специально переданные им друидам с помощью наивного Гвинпина. Как тогда сказал Гвиннеус? «Если он – Птицелов, то он может ошибиться, выбрать неверный путь, проиграть в игре, на худой конец. Не может он только одного – не заметить птицу, одиноко парящую в небе». Только теперь Ян Коростель понял подлинный смысл этих слов. Птицей была чья-то душа.

Ян так и не узнал, что же привело однажды Травника на Мост Ожиданий в тот самый первый, трагический раз. Но именно тогда что-то случилось между друидами, и Молчун, тогда еще – веселый молодой литвин, друид Йонас, сделал свой единственный, но роковой шаг за грань, переступить которую было нельзя. Коростель не знал, какую роль в этом несчастье сыграл мерзкий старик – Хозяин кладбища, но Травник во всем винил именно его. Безрассудство молодости – так однажды назвал разоткровенничавшийся Симеон соблазн, перед которым Йонас устоять не смог. И при всем этом Травник сказал, что Хозяин кладбища сумел отыскать к душе Йонаса какую-то лазейку, упомянув при этом некие «имена». Что это значило, Коростель не понял, а Травник ему впоследствии так и не объяснил, сколько Ян его ни выпрашивал. И другие друиды тоже отмалчивались и никогда между собой об этом не говорили, словно у них существовал на эту тему некий запрет. Коростелю даже казалось, что в беде, случившейся с Молчуном, возможно, были виноваты все его товарищи, но, сколько он ни пытался, вызвать на откровенность так никого и не смог. Теперь же Ян только начинал догадываться.

На Мосту Ожиданий друид Молчун совершил непоправимое и потерял душу. Словно птица, душа вырвалась из его груди, но не умчалась в небо, а осталась рядом и сопровождала его повсюду подобно птице, парящей высоко над головой. Никому не ведома природа этой связи, никто не знает, хрупка ли она или же напротив – крепче стали. А, может быть, иногда так и легче, когда душа на невидимой привязи, которую каждый волен сплести себе сам из чего сумеет или из чего предложат жизнь или ветреная судьба?

И только Птицелов сумел разглядеть эту птицу, понять эту связь и в конечном итоге – приручить к себе эту чужую душу. Далось это зорзу нелегко, но затея, видимо, того стоила –

и Молчун стал еще одним звеном той замысловатой и артистичной игры, которую Птицелов давно уже вел с жизнью и которую Ян Коростель начинал понимать только сейчас.

Рута уже устала считать повороты и запоминать дорогу. К тому же она плохо ориентировалась в темноте – сказала городская жизнь последних лет. И даже врожденная деревенская сметливость постепенно уступила место усталости, тупому безразличию и непреодолимому желанию присесть хоть на минуту. Места были ей незнакомые, да и откуда – судя по тому, сколько ее вели в подземельях, так далеко они не забирались даже во время странствований по Северной Литвинии в поисках нового жилья. Рута сейчас и представить себе не могла, что отсюда было рукой подать до дома Коростеля, а, значит, и до ее родной деревни. Уже в первые часы похода в подземных галереях она старалась примечать все повороты, надеясь бежать, едва только представится малейшая возможность. Но за все время пути даже на поверхности им ни разу не попало и намека на человеческое жилье, а прежде чем бежать – Рута была девушка рассудительная, – нужно было хоть как-то определиться, где она примерно находится.

Края были сплошь глухие, болотистые; похоже, здесь и солнце-то остерегалось появляться лишний раз. Девушку постоянно не покидало ощущение, что в небе над здешними краями вечно стоит закат, поскольку только в это время суток небеса бывают такими желтыми, почти песочного цвета. Иногда сквозь густые облака пробивались редкие солнечные лучики, но их тут же заволакивали тучи, и само солнце было словно затянуто пеленой. Но даже отсутствие привычного солнечного света не настолько ее тревожило, потому что перед глазами Руты постоянно маячил человек, от одного взгляда на которого у нее наворачивались слезы отчаяния и горькой обиды. Это был немой друид Молчун, которого она совсем недавно выходила своими руками от неминуемой смерти, и который вслед за тем жестоко предал ее неизвестно зачем и кому.

Молчун, как это ни странно, ничем не выказывал ей своей неприязни, напротив – всем своим видом старался показать свое расположение. В редкие минуты отдыха и скудной походной трапезы немой друид всегда норовил подложить ей лучшие кусочки еды. Уже в первый же день их странного бегства – так сочла Рута истинную причину их скоротечных сборов и поспешного ухода из леса через подземный ход – Молчун сразу предложил ей собственную фляжку с водой, но девушка с негодованием отказалась. Рута даже попыталась плюнуть предателю в лицо, за что немедленно получила пощечину от зорза, который вечно сипел и кашлял. Видно было, что когда-то этот колдун долго болел и до сих пор никак не мог выздороветь. Позднее, приглядевшись к вечно кашляющему зорзу внимательнее, и заодно вспомнив свои былые лекарские уроки, она поняла, что этот кашель – последствия вовсе не минувшей недавно болезни, а, скорее, какого-то увечья или неизлечимого недуга, названия которого она даже не могла предположить. Первым делом Рута заподозрила застарелый туберкулез, но затем отмела это предположение – ей хорошо были знакомы симптомы чахотки, а здесь явно было что-то иное. Молчуна же столь оскорбительное поведение его спасительницы явно огорчило, он сразу надулся как обиженный ребенок, и весь последующий день стремился держаться от гордой девушки подальше. Впрочем, это не мешало ему жестами отдавать недвусмысленные распоряжения чуди и саамам, десяток которых из числа лучших воинов сопровождал их в качестве охраны. Главным же здесь все-таки был Болезный – так Рута сразу окрестила про себя хмурого и болезненного зорза.

Первый день после пленения она из принципа молчала и отказывалась от пищи и воды. Но, как говорится, голод – не тетка, к тому же стоило побереечь силы. Поэтому Рута на второй день для начала съела поутру немного снега, зачерпнув горсть прямо на ходу, а на привалах стала пить горячую воду, чтобы обмануть томительно-сосущие ощущения в пустом желудке. На третьи сутки Болезный пригрозил, что накормит ее насильно, и добавил, что сделает это

таким способом, какой она себе и представить не может. Они все куда-то очень спешили и для чего-то тащили с собой Руту. Им нельзя задерживаться, а если она не станет есть, ослабеет, и ее придется тащить волоком. Так ей сказал Болезный и погано улыбнулся при этом. Девушке при виде этой улыбки стало страшно, и, для вида поразмыслив, она немножко поела. Но брать хлеб и воду у Молчуна Рута по-прежнему отказывалась наотрез.

Сбежать Рута решила еще в первый день плена. Но затем дорога очень скоро привела их в какие-то мрачные подземелья, где было так темно, сыро и неудобно, и вдобавок из темных галерей постоянно слышались какие-то шорохи. Так что Рута невольно даже стала держаться поближе к воинам чуди – самым рослым в отряде. Очень скоро она заметила, что союзные воины, несмотря на их воинственный вид и свирепые, как ей поначалу показалось, физиономии, относятся к ней весьма уважительно. Никто не приставал, не делал попыток облапить, и Рута даже ни разу не слышала мерзкого и циничного хохота, обычного у старых вояк при виде молодых девушек. Но причину столь сдержанного и вежливого поведения союзных воинов она не знала и долго ломала над этим голову, пока не представился случай, объяснивший ей все.

На третий день плена, когда она мрачно и отчужденно сидела у костра, к ней не спеша подошел низкорослый саам, как впоследствии выяснилось – из тех искусных охотников, что стреляют из лука белок и куниц точно в глаз, дабы не повредить ценной шкурки. Он что-то спросил у нее на своем гортанном наречии, криво усмехаясь. Рута, и без того в этот миг злая и мрачная, еще не пришла в себя после того, что с ней случилось. Поэтому девушка только смерила маленького охотника гневным взглядом и отвернулась. В тот же миг стрелок бесцеремонно ухватил ее за косу и резко дернул. От неожиданности Рута свалилась с камня, на котором все это время лелеяла планы дерзкого побега и страшной мести Молчуну, прямо в грязный подтаявший снег.

Товарищи охотника громко захохотали, но вмиг смолкли: в два шага подбежавший к сааму Молчун не говоря ни слова сбил охотника резкой подсечкой и сильно толкнул прямо в костер. Саам испуганно заорал и, разбрасывая горящие сучья, ринулся на друида. Но Молчун, до того спокойно ожидавший охотника, неожиданно повернулся к нему боком и сразу ударил саама резко вскинутым локтем в подбородок. Маленький охотник взвизгнул от боли, с прикушенным языком грянулся на спину, да так и остался лежать в снегу, ошеломленно моргая белесыми ресницами на друида. А Молчун шагнул к охотнику, присел перед ним на корточки, выразительно указал на свой неизменный колчан стрел за спиной и наизидательно погрозил сааму пальцем. Тот быстро-быстро закивал в ответ, после чего Молчун протянул ему руку, помог подняться, и ушел обратно к своему дереву. Там он, как и прежде, снова уселся и принялся увлеченно строгать что-то ножом.

С той минуты союзные воины в отряде Болезного старались вообще обходить пленную девушку стороной. Если же приходилось к ней обращаться, держались с ней подчеркнуто вежливо, все время отводя взор, и норовили поскорее убраться с ее глаз долой. Руту же во всей этой любопытной истории заинтересовало, как ни странно, даже не то, что ее главный враг и самый проклятый предатель на всем белом свете вступился за нее. Девушка хорошо запомнила, как в тот раз она проводила растерянным взглядом немного друида и увидела, что тот, как ни в чем не бывало, вновь уселся выстругивать свою неизменную и, похоже, единственную забаву. В руках у Молчуна была маленькая деревянная трубка, и он вырезал на ней простенькие узоры и намечал отверстия. Руте отчего-то вспомнился в этот миг Ян, и она встревожилась. Уж Ян ни за что не будет сидеть сложа руки, когда она в плену бог знает у каких людей, ведь она помнила его горячий, но справедливый характер еще с детства. Коростель всегда напоминал ей гибкий ивовый прут, который, может, когда и гнется, но не ломается. Угнетало девушку и то, что Рута совсем не понимала, зачем она понадобилась этим людям и какое это имеет отно-

шение к Коростелю, хотя и безуспешно ломала над этим голову каждую свободную минуту. И она решила незаметно присматриваться к Молчуну и искать в нем разгадку.

В последнее время ему редко снились сны. Закрывая глаза, он открывал их вновь, словно это было минуту назад, с той же мучительной пустотой в сердце, что поселилась в нем уже давно. Но этой ночью он впервые увидел себя спящим, а рядом, у изголовья кровати – свою покойную матушку. Если бы кто-нибудь еще увидел этот сон, он бы непременно поведал Молчуну, что комната из его ночных грез удивительно напоминает маленькую девичью светелку, в которой он выздоравливал под присмотром тихой и доброй девушки Руты, которая теперь почему-то на него в обиде. Но каждый видит свои сны сам, и маленький Йонас лежал в кровати и улыбался с закрытыми глазами, слушая тихую песню своей забытой матушки. Он не помнил матери с детства, но теперь был уверен – это она, потому что больше в его жизни никогда не было таких мягких и ласковых рук. Они гладили Йонаса по голове, расчесывали его спутанные волосы, и мальчик нежился и таял в теплых лучах нисходящей на него доброты и сладкого ощущения безопасности и покоя.

Потом мать поправила подушку, подоткнула под мальчиком одеяло и куда-то быстро ушла, оглянувшись на прощание и помахав уже сладко спящему сыну. Молчун, хоть и был во сне, все это видел и недоумевал: как это можно оставаться одновременно в двух ипостасях – быть спящим и в то же время видеть себя со стороны? Но тут внимание его привлек шум крыльев за окном, где тихо моросил серый осенний дождик. Это были лесные птицы. Пернатых гостей было много, причем самых разных – крупных и мелких, пестрокрылых и невзрачно-сереньких, важных и суетливых; и все они расселись на дереве и тревожно кричали. Но тот, который спал, их не слышал. Лесные обитатели широко разевали клювы, хлопали и трещали крыльями, но их все равно никто не слышал, и они улетали, одна за другой, покуда ветви дерева не опустели. В этот миг Молчун почувствовал, что сон ускользает и сейчас он пробудится, хотя этого ему совсем сейчас не хотелось. Но вдруг подул сильный ветер за окном, сдувая с деревьев последние сухие листья, и на карниз опустилась еще одна птица.

Она была крупной, больше вороны или грача, и ее черные перья отливали необычным красноватым оттенком. Но еще более удивительным был птичий клюв: словно некий изрядно подвыпивший кузнец загнул его концы, да потом еще и закрутил их щипцами в разные стороны. И надо сказать, этим он сослужил птице неплохую службу, облегчив ей труд вылушивать еловые и сосновые семечки из шишек. Это был клест, из лесных птиц, что никогда не прилетают к жилищам людей. Он переступил сильными ногами на скользком карнизе, наклонил голову и тихо стукнул клювом в окно. Затем снова наклонил клюв, словно прислушиваясь, и вновь ударил в стекло, на этот раз уже гораздо громче и требовательнее. Но маленький Йонас не просыпался, и тогда клест подпрыгнул на карнизе и забарабанил в стекло, совсем как дятел. За окном было все так же тихо, ребенок спал, а дождь только усилился. Немного подождав, птица скосила умный глаз, что-то коротко каркнула, подпрыгнула и, взмахнув сильными крыльями, медленно и тяжело полетела обратно в сторону леса.

Молчун смотрел из своего сна на эту сцену, и его сердце колотилось как бешеное. Потом, когда клест уже исчез из виду, он долго глядел вслед птице, и в его сердце вновь медленно и неотвратимо вползала вязкая и тягучая пустота. Несколько минут немой друид стоял под окном, успокаивая отчаянный стук в груди. Затем он повернулся и медленно побрел по дороге, размытой нескончаемым осенним дождем, которая вела из сновидения в явь. Но Молчун не знал, что, проснувшись, он уже не вспомнит этого сна. Того последнего сна, в котором его в последний раз называли по имени. Сна, в котором кто-то так и не сумел достучаться до его сердца.

Наутро они вновь двинулись в путь. Вечно кашляющий зорз казался чем-то особенно озабоченным, немой друид был особенно угрюм, воины были особенно молчаливы. Все было особенным в этот день, может быть, оттого что Рута впервые с минуты своего пленения решила вызвать Молчуна на откровенность.

Для этого она хотела выбрать одну из тех редких дневных остановок, когда каждый из идущих в этом отряде думал только о своем измученном теле и не обращал внимания на других. Сделав вид, что изрядно промокла и продрогла в пути, девушка медленно обошла костер и опустилась на колени возле Молчуна, который по-прежнему флегматично строгал свою очередную палку. Рута давно заметила, что он вырезает уже третью по счету одинаковую палочку, назначение которых девушка никак не могла взять в толк. Зато она видела, как Молчун, после того как вырезал одну из своих палок и немного поковырял в ней дырочки, повертел палочку в руках и без сожаления бросил в костер. Затем вынул из связки валежника, приготовленного для костра, следующую, тоже по каким-то одному ему известным приметам подходящую для этого странного занятия ветку и, прикинув в руках ее вес, с задумчивым видом положил очередную заготовку в свой походный мешок.

Немой друид не обратил на нее внимания и даже не подвинулся. Рута протянула руки к огню и неслышно, одними губами проговорила.

– Ты, наверное, думаешь, я и не догадываюсь, что вам нужен Ян? Так вот, знай, предатель! Я убегу от вас при первой же возможности. Ты слышал меня?

С таким же успехом она, пожалуй, могла обращаться к бессловесному камню. Лицо Молчуна было непроницаемо, и после слов девушки он с еще большим увлечением принялся за свою палку. Но Рута знала: когда уходит одно чувство, неизбежно обостряются другие, и немой друид, конечно же, должен был слышать каждое ее слово. Девушка осторожно огляделась, не подслушивает ли кто-нибудь, но воины были заняты каждый своими немудреными заботами из тех, что неизменно возникают в каждом трудном пути.

– Но вот если ты, к примеру, мне поможешь, я скажу Яну, и они тебя еще, может быть, простят, – дала Рута слабину. Она теперь почти уверилась, что Ян у друидов умудрился стать важной птицей, иначе, зачем тогда было его врагам ее похищать?

Друид вновь никак не отреагировал на ее недвусмысленное предложение, и тогда девушка, осмелев, повернула голову и взглянула ему прямо в глаза.

Глаза Молчуна были пусты. Еще минуту назад, когда он был увлечен своим непонятным занятием, в них был интерес и даже посверкивали искорки азарта. Сейчас же на девушку смотрела маска холодного безразличия, на которой не было ничего, кроме остановившихся черт лица, будто вырезанных из дерева.

«Да он же безумен!» – с ужасом поняла Рута. «Просто безумен! Этим все и объясняется: и его предательство, и то, что он идет с этими ужасными людьми и тащит ее за собой, как овцу на веревке. И эти его бесконечные палки, которые он режет ножом... Он не ведает, что делает, а руки его живут от него отдельно. Как и все остальное в нем».

Она отвернулась и долго смотрела, как огонь пожирал сырой валежник. Потом встала и медленно пошла обратно, на свое место, где был разостланы плащи, чтобы было мягче сидеть на куче веток. И пока она шла, очередная разукрашенная резьбой палка полетела в костер. Теперь Молчун смотрел ей вслед. Но он никак не мог взять в толк, кто же эта красивая девушка и откуда она здесь взялась.

ГЛАВА 5

ТЕАТРИК ДОВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

«Так вот он, выходит, какой – Мир уснувших кукол», – запоздалая мысль озарила сознание Гвинпина и медленно угасла. Не было смысла думать, не стоило двигаться, незачем было ни на что смотреть – вокруг было одно только великое Ничто. Во всяком случае, деревянная кукла была в этом уверена, потому что уж больно тускло, серо и невыразительно было в окружающем его отныне мире. Этот мир попросту не имел Смысла, и надо было бы как-то отсюда выбираться. Но Гвинпин молча лежал на куче свежей земли, которая одуряюще пахла корешками и еще какой-то противной гнилью. Он никак не мог вспомнить, кто же он такой на самом деле.

Когда-то, еще в тумане прошлой жизни он был деревянной куклой, которая все видела, все слышала и при этом молчала. Затем он обрел дар речи и компанию. Но компания в скором времени развалилась, и в его, Гвинпина, красноречии тут больше никто не нуждался. В довершение ко всему он, похоже, помер и сейчас находится в совсем ином мире.

Открыть глаза Гвиннеус Пинкус решил не сразу. Он просто струсил, что сейчас увидит совсем не то, что ему рассказывали о мире уснувших кукол. А когда, наконец, он решился взглянуть на этот новый мир, глаза кукле немедленно засыпало песком, и Гвинпин долго мотал всем телом, отчаянно моргал как желторотый птенец, впервые увидевший мир из родительского гнезда, и откашливался, прочищая глотку и клюв. Наконец и в глазах, и в душе у Гвинпина прояснилось, и он встал и с достоинством огляделся.

Вокруг него, куда ни кинь взгляд, широко раскинулось все то же заросшее высокими травами и цветами кладбище друидов. Лишь он, Гвинпин, стоял рядом с несколькими кучами глины и песка, уверенно попирая мир, в котором все, оказывается, было по-прежнему наяву. За исключением того, что рядом с ним сидели две куклы, при одном взгляде на которых у Гвинпина зашевелились бы перья на затылке, если бы только они не были нарисованными.

На него смотрели два белых, мертвенных лица с круглыми, неподвижными глазами. Куклы были облачены в серые, подозрительно знакомые Гвиннеусу плащи с надвинутыми на лоб капюшонами. Гвин скосил глаз, высматривая, нет ли поблизости еще кого из числа столь же малоприятных особ, и в это время обе куклы бесшумно придвинулись к нему с боков и, не говоря ни слова, толкнули его вперед. От неожиданности Гвинпин еле удержал равновесие и, повернувшись, раскрыл было клюв, чтобы сообщить этим белым образинам все, что он о них думает. Но тут же получил новый крепкий тычок и позорно свалился. Оба обладателя капюшонов терпеливо ждали, пока донельзя обескураженный Гвиннеус поднимется, но, как оказалось, лишь для того, чтобы снова, на этот раз уже легонько, подтолкнуть куклу вперед. Они указывают путь, догадался Гвинпин, и тут же в нем разыграло упрямство. Он вовсе не хотел никуда отправляться с этими безвкусно выкрашенными дурацкими белилами типами, которые, вдобавок, весьма и очень подозрительно напоминали ему прежних хозяев – зорзов. Точно, сказал себе герой недавней битвы при кладбище друидов, именно – зорзы. По образу и подобию, но – без прорисовки лиц. Эти жесткие типы больше всего напоминают мне шаблоны, – размышлял Гвиннеус, – или заготовки, которые делал Кукольник, чтобы потом им придать индивидуальные черты. Придется побеседовать с ними по-свойски!

И Гвинпин сердито упер свои крылышки в бока и воинственно поднял массивный клюв, явно давая понять своим конвоирам, что это ему все уже надоело и пора перестать шутки шутить. Куклы медленно повернули головы, посмотрели друг другу в меловые, ничего не выражающие лица, и разом ринулись на Гвинпина.

Спустя некоторое, и, надо сказать, к чести Гвинпина, не такое уж и короткое время, деревянный гордец уже уныло плелся под охраной своих похитителей. Плащи и капюшоны у обеих

кукол носили рваные следы меткого и крепкого клюва, однако их обладатели выглядели столь же невозмутимо, как и прежде. Хотя, возможно, дело было просто в лицах, на которых навеки застыло равнодушное выражение их естества. Чего нельзя было сказать о Гвинпине, который имел весьма взъерошенный, и если этого нельзя сказать о дереве, из которого было изготовлено его тело, то это напрямую относилось к его только что безжалостно посрамленной и жестоко униженной свободолюбивой душе.

Идти пришлось по деревянным понятиям долго. Тем более что Гвинпина вели, и чем дальше, тем сильнее он задумывался о цели этих двух безмозглых, но, надо признать, очень ловких и сильных созданий. В этих краях, похоже, весна крепко зацепилась за гвоздь, да так и осталась висеть на стене декораций уже всем поднадоевшего заезжего театрала. Гвиннеус уже готов был волком выть от бесконечных дождей, луж, ям, заполненных черной водой, причем ямы норовили расположиться непременно на его пути, чуть ли не в очередь становились для встречи с несчастным плененным философом. Хотя над головой и светило ласковое майское солнце, не желавшее покидать своего места даже во время дождей, и его приевшееся тепло, и сочная зелень листвы, обильно плодившейся в этом лесу вечной весны, Гвинпина уже совсем не радовали. Первое время кукла еще пыталась примечать дорогу, но они без конца петляли, а несколько раз сходили с тропинки и шагали напрямик по мокрой траве, то ли срезая расстояние, то ли запутывая следы.

Итогом их пути оказалась маленькая и, как сказал бы Лисовин, скрытно расположенная, полянка, на которой курил легкий дымок небольшого костерка, разложенного невесть кем. Правда, поодаль возвышалась невысокая палатка с ветвями и травой, обильно наваленной сверху, но кто там обитал, Гвинпин так и не увидел. Очень скоро куклы свернули в сторону от костра и подвели его к лежащему на земле большому мешку из грубой холстины. Там они вновь бесцеремонно сшибли Гвинпина с ног и сунули его в мешок, как грибник подчас подбирает незнакомый ему гриб, дабы потом рассмотреть его получше на предмет пригодности в пищу. У Гвиннеуса в первые мгновения пребывания в мешке было именно такое чувство, но затем оно сменилось ощущением совсем иным и более свежим – рядом с ним в темноте мешка кто-то завозился, недовольно заворчал и, видимо, спросонья, больно припечатал его ногой прямо по голове.

– Сдурел?! – на всякий случай тихо, но все-таки заорал Гвин, не вполне уверенный в том, к кому же он все-таки обращается.

– Тс-с-с... – прошептал кто-то у него над ухом, причем отчего-то совсем с другой стороны, откуда Гвинпин получил в нос. – Веди себя тихо, любезный, иначе... ты просто все погубишь!

На этот раз этот голос показался Гвиннеусу знакомым, он с трудом развернулся в тесном мешке и при этом не удержался – отпихнул своего спящего невольного обидчика собственным массивным задом. Ответа не последовало, а Гвинпин нос к носу очутился с уже знакомым ему большим гофрированным воротничком и колпаком, расшитым серебряными бумажными звездами.

– Старшина! – удивился он, но Мастер кукол вновь приложил палец к губам. – Я пробрался сюда сразу, как только увидел, что тебя ведут мимы.

– Какие еще мимы? – поначалу не понял Гвин, но тут же сообразил. – Эти белые образины, что ли?

Старшина кукол молча кивнул.

– А кто, кстати, они такие – мимы? – полюбопытствовал Гвинпин, у которого любопытство натуры всегда брало верх над сдержанностью рассудка.

– Это – новые слуги Кукольника, – понизил голос старшина кукол. – Они тут совсем недавно.

– Слушай, Мастер! – по-свойски махнул своим куцым крылышком Гвиннеус. – А куда это меня запихнули эти твои... мимы, не тем будь помянуты?

– Вот те раз, – усмехнулся в свою очередь старшина. – Неужто ты уже успел так быстро позабыть родину?

– Это вот это что ли родина? – подозрительно оглядел Гвинпин полутьму вокруг себя и чьи-то ноги по соседству, порядком перепачканные в глине.

– Ну, ты чудак! – засмеялся старшина. – Это же театральный мешок Кукольника.

При этом известии Гвинпин немедленно уселся на свое округлое основание с самым обалделым видом и только было решил как следует призадуматься над своим нынешним положением, но его собеседник неучтиво ухватил его за неуловимое по причине круглого строения тела куклы плечо и легонько потряс.

– Будет лучше, если ты очнешься, друг мой Гвинпин, – горячо зашептал Мастер кукол. – Боюсь, что у тебя остается очень мало времени.

– Это для чего еще? – покосился Гвин.

– Для совершения своего великого подвига, конечно! – уверенно заявил Мастер, и Гвинпин, в глубине своей круглой души не очень любивший подвиги и прочие геройства, на всякий случай осторожно отодвинулся от старшины. После чего Гвиннеус принялся бочком-бочком продвигаться, сидя на собственном основании, к выходу из своего бывшего обиталища. Теперь оно уже показалось достаточно хлебнувшему вольной жизни деревянному жизнелюбцу затхлым, пыльным и абсолютно безрадостным. И этому он отдал свои самые лучшие молодые годы?..

Старшина кукол последовал за ним, и скоро они оба сидели рядышком, осторожно выглядывая из мешка. При этом собеседник Гвинпина скромно и тактично помалкивал, а в душе Гвина вдруг начала подниматься гроза. Он кипел, кипел и, наконец взорвался, хотя это и произошло только в душе. Гвинпин медленно повернул клюв к старшине и подчеркнуто раздельно, по слогам процедил:

– Что ты только что сказал про подвиг?

– Возможно, я не очень верно выразился, – замялся старшина, – но дело в том, что твое появление здесь для меня – большая удача.

Гвинпин пробурчал себе под нос, что он считал бы в данном случае удачей, но старшина был настойчив.

– Поверь, Гвиннеус, в нашей жизни, в жизни всего кукольного народа грядут перемены. Очень большие. Мы многое поняли, а еще на многое нам открыли глаза сами зорзы – наши хозяева.

– А я-то тут при чем? – недоверчиво покосился на него Гвин.

– Ты – один из немногих нас, кто может изъясняться словами. Кроме того, тебе доступно множество иных чувств.

В другое время Гвинпин был бы, наверное, польщен, но у него всегда было обостренное чувство опасности, особенно когда она грозила лично и только ему. Поэтому он грозно прищелкнул клювом, отчего старшина вздрогнул, и решительно заявил.

– Поскольку ты сам только что сказал, что времени у нас мало, объясни мне, что у вас тут происходит, и только, я тебя умоляю – без всяких завываний насчет подвигов и прочей чепухи. Кстати, зорзы тут?

– Конечно, – закивал Мастер кукол. – Они уже несколько часов должны сидеть в палатке, где давно о чем-то спорят да ругаются. А мимы собирают всех кукол – и погибших, и оживших, и своих, и чужих, которых твои друзья – эта высокая старая дама и давешний друид с бородой, твой приятель – расшвыряли вокруг кладбища, когда там шло сражение.

При слове «сражение» Гвин немедленно приосанился, но тут же вспомнил, что сейчас не до распускания хвостов, и засыпал старшину кукольного народа кучей вопросов. Тот, как мог,

отвечал, и перед предприимчивым Гвиннеусом постепенно приоткрывались декорации такой причудливой сцены, на которую, пожалуй, просто грех было бы не выйти в самой главной роли.

– Тогда давай все с самого начала.

Никто еще из Народа Кукол сроду не говорил таким тоном со своим Старшиной, но капитан Гвинпин нутром почуял, что в нем нуждаются, и все его и без того непомерные амбиции встопорщились, как у самоуверенного петуха, еще не знающего, с кем ему предстоит сразиться за честь птичьего двора.

– Все началось с того, что к нашим хозяевам невесть откуда пришла зловредная старуха, весьма неприятная обличьем, да сразу принялась понукать нашими хозяевами, что твой пастух! – начал Мастер, а генерал Гвинпин конечно же немедленно его перебил.

– Что еще за ведьма? Откуда она взялась?

– Этого не знает никто, – таинственным тоном прошептал мастер, – но я своими глазами видел, как она неожиданно вышла из леса, и мастер Кукольник с мастером Коротышкой при виде ее прямо-таки остоленели.

– Вот это уже что-то, – важно заметил фельдмаршал Гвинпин. – И что же было дальше?

ГЛАВА 6

ДРУГИЕ ДОРОГИ

Среди потаенных знаний и неназываемых искусств в Круге лесных служителей всегда стояли особняком секреты иных земель и путей, что вели туда из обычных земных краев. Все, кто проходил долгие месяцы и быстротечные годы Служения в Лесах разных времен года, предпочитали не говорить о том, что с ними происходило в этих удивительных землях. Более того, прошедшие Служение никогда не встречались в лесах друг с другом. Хотя, по неясным слухам, которыми всегда полнится земля, и Круг друидов тому не исключение, в заповедных рощах и дубравах встречались существа и сущности, о которых никогда не слыхали ни в восточных землях, ни в северных королевствах, ни в княжествах Юга; ну, а Восток и без того всегда был окружен сонмом самых необычных и удивительных тайн и загадок.

Из числа обитателей Круга, и особенно – в среде не допущенной к тайнам молодежи и юных подмастерьев, многие свято верили, что одна из Других Дорог, окруженных самыми мрачными слухами, уж точно ведет куда-то из скитов, но известна она лишь Верховной друидессе и еще, быть может, Смотрителю Круга. Никто эти слухи и рассказы из числа высших друидов никогда не подтверждал, но и не опровергал. А поскольку рано или поздно каждый молодой Служитель леса выходил на собственную стезю тайных знаний, в которых уже не было места детским сказкам и страшным историям, то Другие Дороги навсегда оставались для каждого воспитанника Круга сладкой и запретной темой детства, которая по достижению юности быстро таяла, а в зрелости – уже бесследно исчезала как не свершившийся миф.

За несколько дней до описываемых событий на воскресной ярмарке в приморском городе Юра к лотку маленького, неприметного торговца рыбой, дела которого шли ни шатко, ни валко, подошел покупатель. Был он человеком явно неместным, судя по темным волосам и жгучим черным глазам – из ромалов, что испокон веку кочуют по дорогам Полянии и Мазурского королевства. Он долго приценивался, тщательно и придирчиво перебирал товар и в скором времени утомил торговца изрядно. Тот уже было собрался как следует прикрикнуть на зануду, поскольку при оценке товара покупатель уже не раз снабдил ее красочными комментариями весьма критического, если не сказать – обидного, содержания. Но ромал, наконец, решился, причем выбрал себе именно ту рыбу, с которой и начал изучение прилавка, тщательно пересчитал сдачу вплоть до последнего позеленевшего медяка, и уже уходя, сопровождаемый раздраженными взглядами торговца, вдруг ловко и непринужденно сунул ему что-то в ладонь. Рыбник не успел даже удивиться, как ромала и след простыл. Разжав кулак, рыбник увидел в руке многократно сложенный листочек тончайшей серой бумаги, каковой раздосадованный торговец никогда не выдывал в этом городе.

Оглядевшись, не видит ли кто, торговец, кряхтя и чертыхаясь, присел под своим благоухающим лотком, дабы переобуть натерший сапог, и быстро развернул листок. Там было всего несколько слов. Рыбник прочитал их, затем – еще раз или два, после чего перевернул листок глянуть, нет ли чего на обороте. Но больше ничего на том листке не было, и рыбник сунул его за голенище. Затем быстро выпрямился, обнаружил, что покупателей у его товара снова нет и, по-видимому, уже не предвидится, и сразу же принялся тщательно перебирать морские дары на лотке, некоторые из которых, надо отметить справедливости ради, уже начинали изрядно припахивать. Спустя час или около того рыбник внимательно глянул в небо и, видя, что солнце скоро начнет клониться, принялся не спеша собирать свой товар. Скоро его телега, не нагруженная рыбой и наполовину, уже стучала и подпрыгивала колесами на булыжниках мостовой морского форпоста. Рыбник поторапливал коня – ему еще предстояло по приезде домой тут же отправиться пешком на другой конец города, чтобы успеть вернуться затемно.

Спустя три часа порядком измятую записку, так странно переданную заезжим ромалом рыбнику, держал в руках уже порядком немолодой, но крепко сбитый бородатый человек, спешно натягивая изрядно потертый полушубок из серой овчины. Он только что закрыл двери дома, навесил на них массивный замок с толстенной дужкой и, поворачивая ключ, что-то невнятно пробормотал. В замке щелкнул механизм и вытолкнул ключ. Через минуту бородач уже торопливо шагал по направлению к городской заставе. Торговец же рыбой в это время как раз подходил к своему маленькому дому, затерявшемуся меж будок и огромных складов-ларей купеческой фактории. В воздухе морозило, и он поторапливался, кляня себя, что не удосужился надеть перед тем, как выйти из дома, теплые подштанники.

У человека с бородой было много имен и прозвищ, но люди близкие, которых не так и много уже оставалось на этой земле, называли его настоящим именем – Одинец. Вот уже два года Одинец изредка наезжал в Юру на правах русинского кума в гости к одному из жителей форпоста, промышлявшему мелкими финансовыми хитростями и сдачей денег в рост. Чем на самом деле занимался бывший русинский воевода тайных дел, в городе не знал никто, даже прежние его знакомые по ратным делам, которых Одинец по счастливой случайности или же по немалой своей осмотрительности еще ни разу в Юре не повстречал. Записка от ромала на самом деле была адресована именно Одинцу, и его человек, промышлявший здесь рыбной торговлей, подробно описал русину приметы ромала, передавшего письмо. Однако Одинец, сколько ни напрягал память, такого человека вспомнить не сумел. Да этого и не было нужно: несколько слов на листочке серой бумаге заставили бывшего воеводу и вечного тайнника бросить все свои дела и отправиться на встречу с тем, кто его призвал впервые к занятию, ставшему делом всей жизни.

Миновав заставу, стражники которой знавали его в лицо, поскольку в каждый свой очередной приезд Одинец неизменно оставлял на городской заставе штоф забористого русинского первача, бородач углубился в лес. Дюны обрывались за северной заставой резко, словно кто-то однажды решительно смел огромной ладонью морские пески и укоренил здесь высоченный сосновый бор. Но на первой же поляне его тихо окликнули, и Одинец увидел... совершенно не того, кого ожидал повстречать.

Встретил его незнакомец по имени Рыбак, представившийся доверенным человеком небезызвестного Одинцу друида по имени Камерон Пилигрим. В качестве доказательства своих слов Рыбак рассказал о таких вещах, которые мог знать только старый друид, в бытность свою не раз имевший общие дела и интересы с рыцарями-храмовниками. К их высшей касте тайно принадлежал и русинский тайных дел воевода. Имена и факты, сообщенные Рыбаком, были таковы, что их Камерон не мог бы выдать никому даже под пыткой, и Одинец был немало поражен осведомленностью незнакомца. Одинец знал о гибели Камерона от своих тайных соглядатаев, которых у него по-прежнему было немало, несмотря на то, что он вроде бы отошел от своих старых дел. Рыбак же сообщил ему некоторые подробности. И, наконец, как последнее подтверждение своих слов, Рыбак поведал русинскому тайннику о некоторых очень странных обстоятельствах гибели Камерона и в довершение произнес секретную фразу, обязательную для оказания услуг всеми рыцарями Храма. В свое время эти тайные слова сообщили Камерону высшие храмовники в виде особой чести. Но более всего поразило Оди́нца то, что фраза содержала в себе секрет: мало было просто знать слова, следовало еще и произнести ее, употребляя в нужных местах особые гортанные звуки, которые лишь напоминали соответствующие им буквы в известных языках Балтики. Рыбак все произнес правильно и с необыкновенной легкостью, так что Одинцу даже на миг почудилось, что он говорит с самим Камероном.

Дальнейшая их беседа была недолгой. Рыбак передал Одинцу просьбу, причем настолько странного свойства, что Одинец никогда бы не поверил, что такое возможно. Он обнаружил, что Рыбак знает очень много доселе русину неизвестного о некоторых событиях, в которых принимал участие в свое время и сам Одинец. Именно тогда Рыбак произнес слова «зорзы» и

«остров Колдун». Бывалый вояка тайных дел при этих словах востепенел, как старый боевой конь, слышав звук походной трубы, и чем дальше слушал то, что ему рассказывал и объяснял по ходу своего повествования Рыбак, тем крепче чесал в затылке.

Одинца ждал неблизкий путь. Это была столь странная и необычная дорога, что при мысли о ней ему становилось не по себе. Но бородач уже давно привык, что в этой жизни к нему всегда обращались с просьбами столь необычными и зачастую – опасными, что он уже давно перестал долго взвешивать все за и против. С некоторых пор он жил, обращаясь, прежде всего, к совету сердца – качество, которого он не мог представить у себя в молодости да, пожалуй, и в зрелости тоже.

Они расстались с Рыбаком в лесу. Куда держал путь слуга и друг друида Камерона, верный ему и после смерти, Одинец не знал. Его ждали куда более серьезные заботы, пора было собираться в дорогу.

На следующий день Одинец ушел из города, тепло расставшись со своим будто бы кумом. Не забыл русин дружески распрощаться и с городской стражей, подкрепив хорошие отношения хорошей же бутылкой бимбера. Он был снаряжен по-походному, на лице у него была озабоченность, на устах скрипел песок дюн, а на устах души тихо перекачивалась заветная фраза, данная ему Рыбаком. Фраза, которая должна была открыть ему дорогу в Подземелье. Этой дорогой он и должен был попасть на остров, именно тот, что долгие годы так часто и мучительно снился ему по ночам.

Свою магическую Дорогу Одинец был обязан во что бы то ни стало сохранить для людей, которых он найдет на острове. Потому что нелюди к этому времени остров Колдун уже покинут, если только Рыбак не ошибался в своих предположениях и вещих снах. Собственно говоря, Одинец и был послан проложить дорогу для друида Травника и его маленького отряда.

Но едва ли не большим, нежели весь этот сонм удивительного и странного, что услышал Одинец от таинственного слуги Камерона, оказалось для русина известие о том, что Ивар-предатель, несчастный Ивар, за которого Одинец столько лет клял себя, оказался жив и тоже пребывает сейчас на острове. Странная компания, подумал Одинец, оправившись от первого шока страха и радости одновременно; очень странная, однако, компания собралась на этом проклятом куске земли и скал посреди студеного ветреного моря. Он хотел спросить у Рыбака, откуда тот знает об Иваре, но встретил в ответ взгляд такой мрачной силы и печальной глубины, что тут же осекся и промолчал. Хотя ему и показалось, что в тот миг Рыбак прочитал то, что камнем лежало у него на душе все эти годы.

Путь Одинца, тем не менее, лежал не к морю, а в противоположную сторону. Бывшего таинника, однако, это не удивляло – за свою жизнь рыцаря, или как говорили русины, витязя-храмовника, он насмотрелся такого, что давно перевернуло его представления об окружающем мире. Это – Правило Цветов, сказал ему напоследок Рыбак. Приходи – возвращаясь!

– Никогда не думал, что снова попаду в Подземелье, – невесело ухмыльнулся Март. – И опять будут это желтое небо, облака, чертов закат...

– Чего ж ты не поминал черта, когда шел под водой?

– А у меня и не было ощущения, что я иду под водой, – покачал головой Збышек. – Камень да камень, сплошные стены и пещеры, ходы, лазы. И вокруг опять – один камень... Одно слово – Подземелье.

– Но теперь уже – настоящее, – кивнул Травник, и никогда не бывавшая на Других Дорогах прежде Эгле бросила на него удивленный и насмешливый взгляд.

– Это долгая история, девочка, – бросил на ходу Травник, от которого не ускользнул невысказанный вопрос молодой друидки. – Когда-нибудь, наверное, Март расскажет тебе об этих веселеньких местах немало интересного. Верно, Збых? – подмигнул он помрачневшему Марту.

– Все мужчины – герои, – саркастически поджала губы девушка, сердито царапнув глазами Збышека. – И гордецы. У них всегда одни сплошные тайны, заговоры, а потом в результате – многозначительное молчание. Молчание, видите ли, избранных! Посвященных... – И в сердцах добавила, – Все вы себя так любите, так цените, так лелеете свою исключительность! А вот горшок каши порой сварить, как следует, не можете. Это я, конечно, так, в общем, сказала, – поспешно поправилась Эгле, осторожно глянув на Травника, которого очень уважала и где-то в глубине души даже немного побаивалась.

– Да любите-то нас, по-моему, гораздо больше вы, женский народ, – даже остановился Симеон, озадаченный такой атакой.

– Просто больше некого, – буркнула Эгле и закусила губу.

Травник подошел к ней и осторожно, как-то очень деликатно, положил руку на плечо.

– Что с тобой, девочка? Какая муха тебя укусила?

– Я не знаю... – прошептала Эгле. – Уже несколько часов мне кажется, что я ненавижу всех и все на свете. Не могу понять, что со мной такое происходит. Кажется, готова сейчас возненавидеть весь свет.

– С тобой такое прежде случалось? – мягко спросил Травник. Март в это время уселся вытряхнуть из сапог пыль и каменную крошку, которая лезла повсюду, и, видимо, особенно норовила забраться в сапоги именно к Збышеку, поскольку они давно уже откровенно и жадно просили каши. Март латал их при каждом удобном случае, но к Эгле за помощью из гордости не обращался, а та только посмеивалась, глядя на своего бывшего воздыхателя.

– Что именно? – прошептала Эгле, которая, похоже, готова была сейчас расплакаться.

– Вот это – обида, беспричинная злоба, раздражение, – терпеливо повторил Симеон. – Ты вообще-то здорова?

– Здорова, – невесело откликнулась молодая волшебница. – Что-то меня в этих местах гнетет, что ли... Как словно бы тяжесть на сердце навалили, такую... невероятную...

– Ты ведь прежде не бывала на Других Дорогах, верно? – задумчиво сказал Травник, и девушка в ответ нехотя кивнула. – А худо ты себя почувствовала еще в каменных галереях... – словно рассуждая про себя, молвил друид.

Эгле вспыхнула, и в ее глазах на миг промелькнуло недоверие.

– Откуда ты знаешь?

– У меня есть глаза, – быстро ответил Симеон. – И я кое-что знаю о вас.

– Что значит – о вас? О ком это еще? – вопросительно протянула Эгле.

– Волшебниках, – просто ответил друид и улыбнулся ей.

– Скажете тоже, – нахмурилась Эгле и искоса незаметно посмотрела на Марта, который, похоже, тут же наострил уши при упоминании о волшебстве молодой друидки.

– Это – не просто слова, – покачал головой Травник. – Другие Дороги безвредны для большинства живых существ, в том числе – и для человека. Здесь себя плохо чувствуют только волшебники. И при этом ощущают, кстати говоря, именно то, что мешает тебе жить сегодня целый день.

– Какая я волшебница! – опустила голову Эгле. – Так, всего лишь несколько простеньких заклинаний и дешевеньких фокусов, которым меня научила бабушка Ралина...

– Не будем спорить, – кивнул Травник. – Твое высокое искусство, в том числе и боевое, мы уже видели, и поэтому думаем оба, – Симеон указал рукой на Марта, тут же уткнувшегося в изучение собственного сапога, – что твои способности сейчас растут чуть ли не на глазах. А нам сейчас очень будет нужен огонь.

– Для чего? – чуть ли не одновременно выдохнули Эгле и Март и столь же одновременно покосились друг на друга.

– Просто согреться у костра, – усмехнулся Травник. – Тепло огня – это лучшая пища для начинающих волшебников. И для тела, и для ума.

Он приложил руку ко лбу на манер козырька и пристально вгляделся вдаль.

– Сдается мне, вон за теми холмами должны быть дома – видите, печной дым никак ползет? И знаешь, Збых, что-то мне здешние места напоминают.

Март, как наиболее зоркий во всем отряде, быстро вскарабкался на обледенелый пригорок и тоже прищурился, силясь разглядеть прячущуюся за холмами деревню. Затем медленно обернулся к друзьям.

– Это ж Мотеюнаса село... – пробормотал Збышек и тут же почесал в затылке. – Интересно, как там у них сейчас дела...

– Мне тоже показалось – косогор во-о-он тот, видишь, знакомый, – согласился Травник. – Я еще в тот раз, когда мы здесь шли, подумал – уж больно этот косогор издали приметный. И деревня. Вот там нас, думаю, и обогреют, и накормят.

– Или еще чего... – буркнул про себя Збышек, но, к счастью, никто из друзей его не расслышал.

ГЛАВА 7

КОЗЛЕНОК

– Смотрите! – громко и встревоженно прошептала Эгле. – Вон там, возле колодца, видите?

Симеон и Збышек быстро обернулись. Над притихшей вечерней деревней сгустились сумерки, отчего растущие чуть ли не на глазах лиловые тени сливались с землей, а низенькие, сильно вросшие в землю дома словно затянуло серым маревом. Неподалеку, возле невысокого, изрядно покосившегося домишки, у хозяев которого дела явно не заладились, темнел старый, такой же скособоченный и наполовину завалившийся колодец. Непохоже было, чтобы тут этим колодцем часто пользовались – вокруг него лежали высокие сугробы.

– Ничего не вижу, – тихо откликнулся Збышек. Симеон молча вглядывался в сгущавшуюся темень.

– Мне кажется, там кто-то есть, – одними губами пробормотала девушка. Лицо ее было странно неподвижным, ни один мускул не дрогнул.

– Вон, вон, смотри, – неизвестно кому зашипел Март, и теперь уже все трое увидели, как из колодца осторожно выпросталась рука и оперлась о край сруба. В тот же миг чье-то длинное и худое тело, закутанное в просторный серый мешок или балахон, легко перевалилось через бревно и исчезло за колодцем. Друиды к тому времени уже лежали у ствола кряжистого неохватного дуба, стоящего у околицы невесть с каких времен. Несколько последующих минут все было тихо. Затем из-за края колодца осторожно выглянуло некое подобие человеческой головы – из-за нахлобученного мешка трудно было разобрать, что это такое на самом деле. Капюшон из мешковины несколько раз повел головой из стороны в сторону, после чего вновь скрылся. Но уже через несколько мгновений таинственная фигура в балахоне неожиданно ловко и очень быстро скользнула по снегу, после чего стремительно исчезла за углом избы незадачливых хозяев этого странного колодезя. Друиды переглянулись и перевели дух.

– Да ведь это же ночные! – прошипел Збышек, и Симеон согласно кивнул. Эгле переводила непонимающий взор с одного на другого, и Травник шепнул ей на ухо.

– Это оборотни. Мы в этой деревне однажды уже имели с ними дело. И это – первая хорошая новость за все время.

Девушка и молодой друид удивленно воззрились на Травника.

– Мы уже были здесь в первый раз, когда пробирались на север. Это значит, что мы на верном пути и не сбились с дороги. Мы вновь в Подземелье, и это – деревня нашего знакомого, старины Мотеюнаса.

Девушка понимающе кивнула, и лицо ее посуровело. Збых тем временем осторожно поигрывал в ножнах мечом. Травник тихо издал предостерегающее восклицание, и друиды вновь обратили свои взоры на дьявольский колодец. Оттуда уже вылезал очередной ночной пришелец. Краем балахона он зацепился за бревно и никак не мог освободиться. Наконец после нескольких энергичных движений ночной повторил путь своего предшественника.

– Сколько их там всего, интересно бы знать, – мрачно проговорил Збышек.

– Лучше поинтересуйся, сколько в этой деревне колодцев, – бесстрастно откликнулся Травник, и Март помрачнел еще больше.

– А нам что – непременно нужно в эту деревню? – прошептала Эгле, изо всех сил стараясь не поддаваться чувству липкого ужаса, который уже начал потихоньку охватывать не только ее душу, но и тело.

– Сойдя с этого пути, мы можем не попасть в подземный ход в замке Храмовников, – покачал головой Травник. – Видать, коли вновь сама судьба привела нас сюда, значит тут еще остался какой-то должок, – усмехнулся Травник.

– Или замочек, что пришло время открыть, – добавил Март. – Мне отчего-то кажется, Симеон, что эта деревня и эти ночные имеют какое-то отношение и к нам тоже.

Травник молча кивнул.

– У меня тоже было такое ощущение. А теперь – почти уверенность. Смотрите.

Из колодца выбралась очередная темная фигура. Но этот оборотень вовсе не стал хорониться за колодезным срубом, а встал во весь свой довольно-таки высокий рост, только еще не потянувшись, не спеша обвел взором темную деревенскую улочку и пошел в противоположную сторону от своей стаи. Друиды проводили его глазами, пока долговязая фигура не исчезла между избами, и переглянулись.

– Странное дело, – задумчиво пробормотал Збышек. – Мне в этой образине почудилось что-то знакомое.

– Пожалуй, да, – поддержал сомнения товарища Травник. – Походка какая-то приметная. Взглянуть бы этой образине в морду.

– Думаю, нам скоро представится такая возможность, – язвительно вставила Эгле, несмотря на то, что у нее, кажется, зуб на зуб не попадал, и вряд ли легкий ночной морозец был тому причиной. В тот же миг на деревенской улочке вдали появилась еще одна фигура. Но она была маленькой и щуплой, в овчинном полушубке и большой меховой шапке, нахлобученной на голову. Это не был оборотень. Это был человек. Март чуть приподнялся, чтобы лучше разглядеть любителя ночных прогулок, и сразу понял: к колодцу, над которым повисла только что вынырнувшая из ночных облаков ущербная луна, медленно приближался ребенок. Молодой друид закусил губу и бесшумно выдвинул из ножен меч.

Ребенок приближался к колодцу. Видно было, что у него в руках зажата какая-то ноша. Похоже было на большой темный сверток, но в призрачном и каком-то предательском свете луны трудно было разобрать детали. Маленькая фигурка явно спешила: она спотыкалась и поминутно проваливалась в снег, потому что ребенок направлялся напрямик к колодцу.

– Что за чертовщина! – в сердцах отчаянно прошептал Март. – Симеон, его нужно остановить!

Травник, смерив глазами расстояние до ребенка, весь подобрался, готовясь к стремительному броску, и в этот миг где-то неподалеку раздался пронзительный женский крик, полный отчаяния и боли. На улочку откуда-то между изб выскочила растрепанная женщина в сбившемся на плечи платке, затравленно оглянулась по сторонам и, увидев маленькую фигурку, уже приблизившуюся к колодцу, бросилась к ней со всех ног.

– Казя-а-а-ли-и-с! – что есть силы закричала на всю улицу женщина, и ребенок, вздрогнув от неожиданности, обернулся на отчаянный материнский крик.

– Пора, – шепнул Травник, и трое друидов, вскочив со снега в мгновение ока, бросились к заброшенному колодцу. Мальчишка же, испуганно оглянувшись на мать, быстро повернулся лицом к деревянному срубу и принялся спешно развязывать свою ношу. Его сверток, видимо, был крепко увязан веревкой. Скоро ребенок окончательно запутался в узлах и теперь отчаянно дергал за один конец веревки, силясь ее разорвать. И вдруг мать мальчишки остановилась посреди улицы и исторгла из себя жуткий, просто нечеловеческий крик ужаса.

Из колодца медленно поднималась очередная темная фигура, закутанная в балахон из серой мешковины. Она протянула руки к сторбленной фигурке ребенка, увлеченного своими непослушными узлами, и внезапно руки оборотня удлинились и стали стремительно расти.

«Не успеть», – с отчаянием подумалось Марту. «Эх, Молчуна нет...» Арбалет, доставшийся им в качестве трофея от убитого Рябинника, друиды решили оставить островитянам. Должных навыков в обращении с миниатюрным механическим луком работы свейских мастеров не было ни у Марта, ни тем более – у Эгле. Что же до Травника, то после своего ранения он очень невзлюбил это опасное оружие и ни разу с тех пор не взял его в руки, словно опасался

какой-то неведомой никому, но очень дурной приметы. Очевидно, подобные мысли мелькнули и у Эгле, потому что девушка на бегу резко остановилась, так что Травник, рана которого все еще давала о себе знать, едва не налетел на нее со всех ног. Эгле широко, совсем не по-женски, расставила ноги, далеко отклонилась назад и резко выкрикнула какое-то слово. В тот же миг с ее ладони, устремленной к колодцу, сорвался клочок огня и, окутанный черным дымом, пламенный сгусток понесся к оборотню.

Ночной в это время творил неведомый дьявольский обряд, и его далеко вытянувшиеся руки уже почти доставали мальчика, который наконец-то разорвал веревку и поднял голову. Увидев тянущиеся к нему длинные крючковатые пальцы, мальчуган беззвучно завопил, инстинктивно закрывая лицо, и его драгоценная ноша выпала у него из рук прямо в снег. Ночной издал торжествующее шипение, но в тот же миг клочок пламени ударил его в спину. Оборотень издал жуткий, какой-то птичий вопль, после чего, словно переломившись пополам, грянулся на край колодца и повис, зарыв длиннющие руки в сугроб.

Немедленно по всей деревне раздался ответный вой, причем из самых разных концов. Женщина подбежала к сыну и порывисто обняла его, закрывая своим худеньким телом от всех напастей этой страшной зимней ночи. Мальчишка же упорно вырывался и быстро и бессвязно лопотал, пытаясь что-то объяснить матери. Но та пуше прежнего кутала его в свой широкий и дырявый платок и прижимала к себе. Друиды тут же окружили колодец, пристально вглядываясь в темнеющие дворы и кусты меж избами. Март искоса поглядывал то на Эгле, то на Травника. Симеон пока еще не вернул себе былую крепость и ловкость после ранения в плечо, а Эгле только что применила боевую магию огня, и ей, возможно, требовалось некоторое время, чтобы вновь собраться с силами.

Первый ночной показался со стороны Травника, неслышно отделившись тенью от стены ближайшей избы. До него было рукой подать, но оборотень, сделав несколько шагов к друидам, остановился и застыл, как неживой. Эгле издала тихое тревожное восклицание. С ее стороны к ним не спеша шли две фигуры в балахонах. Збышек прикинул силы и решил переместиться ближе к молодой волшебнице, как вдруг в десяти шагах от него у колодца возник высокий оборотень, который давеча показался им смутно знаком. Внезапно в воздухе завывало, зашумело, и резкий порыв ветра со снегом отбросил с головы ночного капюшон. Збышек от неожиданности вытаращил глаза – этот лысый череп и большие хрящеватые уши часто снились ему в самых страшных снах.

– Это не ночные! – взвизгнул Март. – Это же... Старик! Здесь проклятые зорзы...

– Ошибаешься, парень, – не оборачиваясь, спиной к Марту проговорил Травник. – Ты, что, разве не слышишь ароматы?

В самом деле, от ночных, а от стоящего ближе всех Старика – в особенности, ощутимо тянуло мерзким запахом гниющей болотной травы и тления. Это были запахи смерти, и Март понял – перед ними не живые люди, а ходячие мертвецы. Или их тени.

Старик усмехнулся, и усмешка мертвого зорза показалась Збышеку страшной улыбкой смерти. Не в силах больше выдерживать эту кошмарную сцену, молодой друид быстрым движением выхватил из-за голенища тонкий и острый нож и что было сил метнул его в исчадие тьмы. Старик неожиданно ловко уклонился, и лезвие, просвистев над его головой, срезало бы, наверное, добрый клочок волос, если бы голова зорза не была голой, как коленка. Оборотень вновь раздвинул рот в ухмылке, но на этот раз медленно и тщательно облизал губы. Язык Старика был неестественно красен, Збышеку даже показалось, что изо рта оборотня показалась кровь. Между тем на улицу выбегали все новые и новые фигуры в темных балахонах, и даже поверженный Эгле зорз несколько раз тихо всхрипнул, очевидно, понемногу приходя в чувство. Сердце Марта разом оборвалось и тихо стало опускаться вниз, в самые потемки его бесстрашной души. Травник же хладнокровно обнажил лезвие кинжала и держал клинок наготове. Эгле стояла очень прямо, словно аршин проглотила, глаза ее были полуприкрыты,

лицо бледно, и лишь бескровные губы изредка слабо шевелились. Внучка друидессы творила заклинание.

Первым бросился в атаку ночной, что стоял напротив Эгле. Когда темная фигура с рычанием приблизилась почти вплотную, под ее ногами вдруг вспыхнул снег, и оборотень со злобным ревом отпрыгнул назад. Эгле же так и не открыла глаз. «Она видит его внутренним зрением», – забыв о своих страхах, подумал Збышек, и ему вдруг стало завидно и отчего-то – грустно. Поэтому он проглядел метнувшегося к нему Старика, и, получив от зорза жесткий тычок в живот железными пальцами, еле нашел в себе силы не упасть, а только отпрянуть в сторону. При этом он больно ушибся спиной о колодезный бруствер и еле подавил в душе вспыхнувший панический огонек. Травник молниеносно повернулся к ним и взмахнул кинжалом. С кончика лезвия тут же сорвалась дымная огненная петля и едва не захлестнула уже торжествовавшего победу оборотня. Старик отскочил, и в ту же минуту ночные кинулись на друидов со всех сторон.

Огненная петля вспыхнула, пламя полыхнуло в человеческий рост, но несколько ночных все же прорвались. Отразив первый натиск, друиды встали плечом к плечу, закрывая собой ошеломленную женщину с мальчишкой. Сообща было легче обороняться, поскольку одиночный бой на мечах, увы, никогда не длится долго. Однако пламя уже начало гаснуть, а ночные явно превосходили друидов, если не умением, то числом-то уж точно.

– Великодушные господа, – громко прошептала женщина, и Травник быстро обернулся вполоборота, не выпуская боковым зрением из виду ближайшего оборотня. – Ясновельможные пане...

– Не бойся, хозяйка, – быстро проговорил Травник. – Мы вас в обиду не дадим.

Был ли он сам уверен в собственных словах? Но женщина тут же подалась к друиду всем телом и зашептала скороговоркой.

– Муж... ясновельможные пане... Покуда я за Казялисом-то кинулась, Бронис... ну, муж мой то есть...

– Что муж? Говори скорее, хозяйка, – заторопил ее друид, видя, что ночные вновь подбираются к ним, а огонь уже почти погас.

– Бронис к Альгирдасу побежал... и к Юзу с Микалоисом, – чуть не закричала женщина от страха, когда Травник, резко обернувшись, отразил удар черного клинка выпрыгнувшего из тьмы оборотня. – Родню поднимать... – уже совсем тихо прошептала женщина и закрыла своим телом мальчишку, который все норовил выбраться из-за материнной юбки и уже кричал в голос что-то непонятное.

– Симеон, смотри! – вдруг крикнул задыхающимся голосом Март, и Травник увидел, как из-за поворота улицы выкатилась разношерстная толпа. Потрясая косами и вилами, к ним бежали сельчане. Впереди всех разъяренным волком мчался кряжистый бородатый мужик, размахивая огромным топором.

– А вот и Мотеюнас! – весело отозвался Травник, но тут же предостерегающе крикнула Эгле, и друиды обернулись.

Из колодца снова вылезали ночные. Один нелюдь уже перевалился через бревенчатый край и с ходу напал на Марта, который только что расправился с низеньким, но чрезвычайно юрким и ловким оборотнем, в невероятном пируэте достав его мечом. А из подземной тьмы остервенело лезли все новые и новые фигуры, закутанные в серые мешковатые балахоны.

– Мать моя! – охнула Эгле и еле увернулась от смертельно опасного выпада черного клинка. Ее тут же заслонил собой Травник и что-то прокричал, указывая рукоятью меча на колодец. Девушка непонимающе замотала головой. Тогда Симеон сноровисто отпихнул ногой наседающего оборотня и заорал Эгле прямо в лицо.

– Огня-а-а!!!

Теперь молодая волшебница поняла и кивнула в ответ. Травник с мечом наперевес пошел вокруг колодца, из последних сил рубя и расшвыривая во все стороны серые капюшоны. В свою очередь Март длинным выпадом заставил отшатнуться Старика, которого он считал самым опасным противником, и тут же со всех ног бросился назад, к колодцу. Поравнявшись с уже наполовину разрушенным срубом, Збышек размахнулся и описал мечом широкую дугу над отверстием колодца, едва не задев его ворот. Ночные с визгом и злобным шипением прыгнули вниз, но через несколько мгновений, в течение которых Март с Травником с двух сторон отражали очередной натиск, из колодца опять полезли капюшоны и руки с длинными кривыми когтями. Но над ними уже возвышалась разъяренной фурией Эгле – правнучка верховной друидессы и достойная ученица своей воспитательницы.

Эгле вскочила на край сруба, балансируя на дышащих под ногами бревнышках. Всего три слова выкрикнула она, три коротких, односложных приказа, и, повинувшись древней силе заклятья Огня, с ее пальцев сорвалась и ударила короткая молния. Сверкнув в ночи, она серебряной змеей ушла в темную глубину колодца, кишашую, как червями, серыми капюшонами. Оттуда сразу же послышались вопли и отчаянный вой, вверх клочками повалил черный удушливый дым. Эгле, уже вся черная от копоти и дыма, счастливо улыбнулась и размашисто вытерла рукавом лицо, оставив на лбу и щеках светлую полосу. И в тот же миг из колодца выпросталась обугленная рука и крепко ухватила ее за ногу. Девушка отчаянно взмахнула руками от неожиданности, зашаталась, но к ней в два прыжка подскочил верный Март и, что было сил, толкнул плечом в бок. Эгле, сбитая с ног силой удара, слетела с колодца в снег, а Збышек, крутнувшись, уже рубил мечом страшную черную руку, отчаянно цеплявшуюся за бревна. А из колодца лезли все новые пальцы и когти, норовя ухватить клинок.

И в это время произошло то, чего никто не ожидал – ни друиды, ни ночные. Мальчишка, до этого сдерживаемый перепуганной матерью, неожиданно рванулся из ее рук всем телом, словно скользкий уж. Он наклонился и спустя мгновение снова крепко прижимал к груди свой сверток. Высвободившись, он бросился к колодцу, с неожиданной ловкостью увернулся от потянувшегося оборотня, подбежал к колодезному срубу и, подняв над головой свою непонятную ношу, звонко крикнул что-то и швырнул сверток вниз, в черную глубину. Тут же колодец озарила ослепительная вспышка, так что, казалось, свет затмил даже луну и редкие звезды, которые уже проглядывали в равнодушном морозном небе. От неожиданности остановились все: друиды, оборотни, Старик, который уже начал заносить меч над мальчишкой, его мать, в ужасе простершая руки к своему дитятке, сельчане, толпой набегавшие на серые балахоны, и его бородач-отец – впереди всех, с топором, занесенным для первого, самого страшного удара. И Эгле, мучительно пытаясь подняться со снега, увидела, как из глубины колодца беззвучно ударил столб света или даже огня – очень трудно было разобрать, столь ослепительным было сияние. Ночные в замешательстве попятились, и даже Старик опустил меч, словно враз обессилев не то от усталости, не то от вязкого страха. А затем в наступившей тишине с крюка само собой сорвалось колодезное ведро и с ужасающим грохотом и лязгом полетело вниз, в шахту колодца. Было слышно, как оно громыкает где-то на дне. Колодец был пуст.

Старик, первым оправившийся от замешательства, взвизгнул и вновь поднял меч, норовя рассечь мальчишку пополам. Но ближайший к нему селянин, стоявший с вилами наизготовку, сильно размахнулся и, коротко хакнув, метнул свое страшное оружие в спину мертвому, но пока так и не умершему зорзу. Старик глубоко вздохнул, зашатался, колени оборотня подогнулись, и он стал медленно опускаться назад, все глубже насаживаясь всем своим мосластым телом на остро заточенные зубья вил. На миг глаза его широко раскрылись, хищно сверкнули, словно это в последний раз в нем пробудилась его уже не призрачная, а настоящая, земная жизнь. Затем он закашлялся, свалился набок и больше не двигался. А селяне вокруг уже остервенело рубили топорами и резали длинными косами ночных. Ошеломленные и зачарованные случившимся, оборотни сопротивлялись вяло, и через несколько минут все было кончено. Кое-

кто из оборотней попытался искать спасения в колодце, но из него вдруг стали вылезать наружу кривые сучковатые ветви, от которых ночные приходили в ужас и тут же отшатывались в замешательстве. Казалось, где-то в самой глубине колодца только что вырос огромный дуб, и теперь его крона пробилась наружу, навеки закрыв обитателям тьмы этот вход в мир живых.

– Что ж ты такое забросил-то в этот чертов колодец? – с интересом подсел к мальчишке Март. До утра было еще далеко, и друиды воспользовались гостеприимством Мотеюнаса, в доме которого им уже довелось однажды побывать при столь же удивительных обстоятельствах. Стол был накрыт по случаю счастливого избавления от нечисти обильно, даже с каким-то нарочито отчаянным, безоглядным хлебосольством, по принципу: гуляй сегодня, а завтра – хоть потоп. Маленький Казис перепробовал всего понемногу, как говорится, чего не съел – надкусил, да и друиды с хозяевами на отсутствие аппетита не жаловались. Смущенная хозяйка поначалу поминутно делала мальчишке замечания, что он чересчур уж налегает на сладкое и совсем не ест ничего с хлебом. Но возбужденный и несказанно гордый собой Казис к хлебу за все застолье так ни разу и не притронулся, а мать, лицо которой еще хранило память о давешних слезах как страха, так и радости, скоро отстала и тихо любовалась сынишкой, пережившим вместе с ней такие страхи.

– Да, Казимир, ну-ка Расскажи господам друидам, счастья и довольства им без меры, что же такое ты зашвырнул прямо оборотням в логово? – довольно хохотнул Мотеюнас, который втайне тоже очень гордился сыном, хотя толком так ничего и не понял, что же все-таки произошло у колодца.

Мальчишка разом сник, осторожно глянул на отца и неестественно тоненьким голоском жалобно и притворно пропищал.

– Ничего и не кинул, так, безделицу.

– Ничего себе – безделицу, – улыбнулась Эгле. – Да он какую-то волшеббу сотворил, это уж точно, потому что мой глаз наметан на такие дела, будь здоров.

Теперь уже пришла очередь нахмуриться отцу.

– Это еще какую такую волшеббу, постреленок? Ну-ка, выкладывай отцу все подчистую!

Мальчишка шмыгнул носом и опасливо покосился на папашу.

– Небось, заругаешь ты меня, вот что...

– Да за что же тебя ругать-то, сыночек, – всплеснула руками мать, однако при этом выразительно и осуждающе глянула на мужа. – Ты ведь теперь наш спаситель-избавитель от ночных. Вот и господа друиды говорят: заткнул ты им самую что ни на есть дырищу, через нее-то эти злыдни к нам в деревню и пробирались. А ты тоже, старый! – хозяйка укоризненно замахала на мужа рукой. – Устроил тут форменный допрос, а Казялис-то, вишь, уже спит, намаялся, поди, сыночек.

– И в самом деле, – усмехнулся Мотеюнас, пряча улыбку в окладистой бороде, которую он уже успел отпустить со дня их первой встречи. – Укладывай-ка, мать, нашего героя на боковую, да и мы покурим перед сном маленько. А после ляжем, умаялись ведь не на шутку.

Потихоньку в доме все стихало, даже голоса переговаривающихся вполголоса друидов и хозяина стали приглушенными, ночными. За стеной тихо пела хозяйка, укладывая полусонного Казимира.

– Так думаете, почтенные господа друиды, не вернутся больше сюда ночные? – продолжил Мотеюнас прерванный разговор. – Вот и милостивая сударыня молодая волшебница так мне давеча молвила.

– Обещать не возьмемся, но, сдастся мне, вроде похоже на то, – не сразу ответил Травник. Еще сидя за столом, он все время цепко обшаривал взглядом избу, словно искал чего-то. Пару раз, извинившись, друид выходил в сени, но на предложение радушного хозяина провести и показать, «где у нас тут чего по оправной части», ответил вежливым и мягким отказом,

напомнив, что уже гостил тут и хорошо помнит все расположение двора и сада. А в какой-то миг Травник вдруг успокоился, словно бы нашел, что искал, и это тоже не ускользнуло от проницательного и сметливого Мотеюнаса.

– Прикрыл твой парень ход оборотням, – улыбнулся Травник, и Март счастливо засмеялся, а Эгле ответила смущенной улыбкой. На самом деле она уже битый час ломала голову, что же произошло у колодца, поскольку заклатья, которое привело бы к такому исходу, она себе и представить не могла. Пару раз за столом она потихонечку и шутливо попыталась выяснить все у мальчишки, но Казис крепко хранил свою тайну, и это тоже было для девушки удивительной загадкой.

– А вы, почтенные господа, как думаете: что мой постреленок учинил там со страху? – хитро усмехнулся Мотеюнас. – Слышал я прежде, что через вот этот самый страх и от прочих потрясений души самые разные чудеса как раз и могут случиться, вот ведь что!

– Бывает, что и со страху, – согласился Травник и тоже усмехнулся. – Но чаще – от чистого сердца.

– Это как же тебя прикажешь понимать, гостюшка? – удивился Мотеюнас.

– Понимать надо просто, – в тон ему ответил друид. – Видел я, что твой парнище в колодец бросил. Или показалось, что видел – в пылу-то боя не до рассматриваний было, сами понимаете...

– А что это было? – в голос воскликнули Март и Эгле и, покосившись друг на друга, одновременно прыснули.

– Не был я поначалу уверен, – просто сказал Травник. – Поэтому когда уж все кончилось, первым делом глянул я в твоём доме эту вещь – и не нашел. Прошелся по светлице, по комнатам – тоже нет. Тут я и уверился. А теперь знаю наверняка.

– Вот те раз – гости пошли! – хохотнул в бороду крайне заинтригованный хозяин. – Загадки мне загадывают, что твои скоморохи! Говори же скорей, почтенный господин, потому как никаких моих разумений тут нет. Да и быть не может! Я в колдовствах не сведущ, как ты понимаешь.

– Что ж, почтенный хозяин, – в тон ему улыбнулся Травник. – Тогда глянь, что за пятно у тебя над дверью образовалось.

Мотеюнас поспешно встал и направился к дверям. Чуть выше, над косяком, на стене явственно светлело пятно не меньше как прошлогодней пыли. Мотеюнас узрел пятно и обернулся – вид у него был порядком сконфуженный.

– Да, недоглядела моя хозяйка, – покачал головой хозяин. – Да и то сказать, все дела да хлопоты, на все иной раз и рук-то не хватит.

– Да не об этом речь, – покачал головой Травник и лукаво усмехнулся. – Хозяйка-то твоя как раз женщина справная, каждому бы дай Бог такую. Пятно-то ведь недавно появилось, верно?

– Да почитай вчера, – поскреб затылок бородач. – Постой-постой, а Чур-то наш где? Ах ты, мать честная...

И он в замешательстве уставился на друидов.

– Понял теперь? – похлопал его по плечу Травник. – Эта мысль только твоему парню в голову и могла прийти. И, как оказалось, мудрее любого колдовства да волшбы эта идея. Так-то!

Маска родового предка Чура, что всегда висела в избе Мотеюнаса и охраняла окна и двери от ночных, исчезла. Вместо нее над дверью осталось только продолговатое пыльное пятно.

– Вот дела так дела, – только и сумел выговорить пораженный хозяин. И тут же в его глазах мелькнул огонек беспокойства. – Постой-постой, почтенный господин! А как же мы

теперь без Чура-то, охранителя нашего, будем, коли этот шельмец Чура в колодец швырнул ко всем этим, понимаешь, чертям, а?

– А к чему вам теперь Чур-то ваш? – светло улыбнулась Эгле, так что Март на мгновение ею даже залюбовался. – У вас ведь теперь свой Охранитель растет. Вон, слышишь?

За стенкой хозяйка закончила укладывать сына и сейчас тихо напевала над его кроватью в ожидании мужа.

Спи, Казялис, милый мой,
Мой Козленок дорогой.
Завтра новый день придет —
Силы новой принесет.

Мотеюнас слушал, и на его губах ширилась и расцветала довольная улыбка. Смешанная, как это ни странно, почему-то со страхом.

ГЛАВА 8

СЕСТРИЧКИ

Ралина вздрогнула. Она отчетливо услышала, как ее назвали по имени, но далекий голос раздался где-то глубоко внутри ее существа, отзываясь в голове неприятными покалываниями. Волшебница закрыла глаза, потрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения, но кто-то невидимый вновь вкрадчиво позвал ее:

– Рали-и-на!

– Кто здесь? – прошептала старая друидесса. В ответ раздался сухой надтреснутый смех, затем – еще и еще, пока голос не расхохотался у нее в ушах до того оглушительно, что ей показалось – сейчас лопнут барабанные перепонки.

– Ралина! – повторил старческий голос, – неужели ты меня не узнаешь? Прежде ты сразу начинала плевать и костить меня всякими мерзкими словечками, помнишь, сестренка? Ну, а после тут же принималась за свои колдовские штучки, чтобы меня заклясть, проклясть, изничтожить, или как там это у вашей сестры называется?

– Клотильда... – вздохнула друидесса. – Как же ты меня отыскала на этот раз, хотела бы я знать?

– Неужели ты считаешь, что я так просто возьму и оставлю свою сестрицу в ее нынешних горестях? – укоризненно проговорил голос и вновь захихикал. Друидесса покачала головой.

– Ты все не унимаешься, Клотильда... Даже после того, как тобой же подосланные убийцы тебя же и обманули? Ведь они просто провели тебя вокруг пальца.

– Один из них за это уже поплатился, хотя и не я приложила к этому руки. Признаться, меня это очень даже устраивает – не люблю, знаешь ли, проливать кровь почем зря.

– Ну, хватит, – резко провела рукой в воздухе перед собой Ралина, словно разрезая нечто, видимое только ей. – Коли явилась – найди в себе силы объявиться открыто.

Пламя в костре взметнулось ввысь, словно в нем сейчас стрельнул большой уголек, рассыпав множество искр в ночном небе. Возле огня за клубился туман, он постепенно сгущался, превращаясь в невысокую тонкую фигурку, которая то ли низко наклонилась, то ли была порядком скрючена жизнью или болезнями. Мало-помалу туман становился все прозрачнее, начали проступать детали одежды, черты лица, и вот уже напротив Ралины стояла маленькая, действительно сторбленная старушка, мало чем схожая и обличьем, и натурой со своей родной сестрой. Друидесса прищурилась. От Клотильды ее отделял только костер, но между ними существовали и иные, невидимые границы, пересекаать которые было всегда губительным для обеих сестер.

– Чем обязана, тварь? – Ралина своим излюбленным движением поджала губы. – Неужто в твоём змеевнике случился пожар, что ты теперь вылезла помирать под открытое небо? Но ведь от тебя откажутся и солнце, и луна, и уж тем более – всевидящие звезды.

– Не известно еще, кто из нас змея-то, – хихикнула ведьма. – Боюсь, не та ли, кто обманом и силой однажды лишила меня перстня Властительницы Круга, чтобы завладеть им самой? А меня велела бросить на далеком, студеном, никем не обитаемом острове – на верную гибель, на голодную смерть, в холод и забвение? Кто же тут походит на змею – разве ее жертва? А, может быть, все-таки сама эта хищница, злобная и коварная, которая привыкла всю жизнь прятаться под маской показного благородства и следовать интересам якобы высшей справедливости?

– После твоих дьявольских экспериментов на Острове Духов ни один судья, даже самый гуманный и всепрощающий, никогда не осмелился бы снова ввести тебя в мир людей, – гневно ответила друидесса.

– Почему это ты так думаешь? – воздух между двумя сестрами понемногу стал накаляться, и отнюдь не пламя разгоревшегося костра было тому причиной.

– Потому что ты давно потеряла человеческий облик, – сказала Ралина и почувствовала, как в сердце что-то кольнуло.

– Но ведь я его, в конце концов, все-таки обрела! – огрызнулась Клотильда.

– Я этого не знаю. Не уверена, – печально ответила старая друидесса и как-то сразу сникла, плечи ее опустились, и Ралина даже ростом стала казаться ниже. Хотя кто это мог видеть в зачарованном лесу друидов, под нездешними звездами и непривычными созвездиями?

– Вы заточили меня на диком острове умирать и даже не оставили никакой надежды... – горько прошептала Клотильда. – Это вы меня сделали тем, чем я стала теперь! Вы все! И хоть из твоих прихлебателей уже никого не осталось в живых, посмотри на меня, сестрица! Перстень Властительницы Круга добавил тебе не один год жизни, но, однако же, и я еще здравствую на этом, а не на том свете! И без всякого колдовства, заметь, моя лживая искусница!

– Твое долголетие дала тебе Тьма, которую ты отыскала в собственной душе, – покачала головой Ралина.

– А если мне не оставили надежды на возврат к Свету? Ни одной лазейки! Ни одной... – повторила Клотильда уже шепотом и вдруг бурно разрыдалась. Вид плачущей ведьмы, безжалостной к своим жертвам, не ведающей сострадания, не понимающей грани между естеством и безумством, ведьмы, находящей истинное удовольствие только в пыточном ремесле и вознесшей его в ранг отвратительного искусства, мог бы поразить кого угодно. Любого, но – не Ралину. Старая друидесса слишком хорошо знала свою сестру. Свою бывшую сестру – для себя она ее уже давно схоронила, не оплакав и не простив.

– У тебя грязные слезы, Клотильда, – сурово сказала старуха. – Наверное, именно оттого, что они приходят из глубины твоей высохшей черной души. Но споры ядовитого мха живут долго, неизмеримо дольше жизни самих растений. Это не секрет долголетия, Клотильда, – покачала головой Ралина, едва сдерживая порыв гнева. – Просто твой яд уже давно пережил тебя саму. А ты уже давно мертва. Именно потому у меня давно нет сестры. Зачем же ты пришла сюда снова?

– Чтобы отомстить, сестрица, зачем же еще? – рыдания Клотильды пресеклись как по мановению волшебной палочки. Она подняла сухонькую, желтоватую руку и простерла ее над костром, устремив на Ралину. – Ты – последняя, кто виновен во всем, что когда-то случилось с глупой, наивной и доверчивой девочкой Клотильдой. И будь уверена: я не упущу возможности отквитать хотя бы один шар у судьбы.

– Ты бессильна в своих желаниях, ведьма. Хотя они и понятны мне, – пожала плечами друидесса. – Ведь ты – всего лишь иллюзия, Клотильда. Давно уже – бесплотная тень.

– Пока... – прошамкала ведьма. – Только на сегодня, милая Ралиночка. – При этих словах Клотильды старую друидессу всю передернуло от омерзения, а ее милая сестрица злобно рассмеялась.

– Завтра для тебя будет уже поздно, – заверила ведьма. – Хотя... – изобразила она колебание, – если ты сама, по доброй воле отдашь мне перстень Круга, я, быть может, еще и подумаю. Но – только при этом условии.

– Ты еще ставишь мне условия, змея? – Глаза старой друидессы превратились в маленькие сверкающие огоньки. – Попробуй только приблизиться к моей душе, и я сотру тебя в порошок. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

– А, может, ты просто утратила перстень? – вкрадчиво молвила Клотильда и вся так и подалась вперед, к своей более удачливой, как ей всегда казалось, сестре. – Последнюю сотню лет ты выглядишь уже не так свежо, как бывало прежде.

Однако расчетливый удар Клотильды по женской гордости сестры пришелся мимо цели. Друидесса только плотнее запахнулась в плащ и ничего не ответила. Впрочем, одна из ее рук все время на протяжении разговора была укрыта в складках одежды.

– Покажи перстень! – прошипела ведьма, так что из костра вновь поднялся целый сноп искр.

– Перстень со мной, – сухо промолвила Ралина, но ее рука по-прежнему была скрыта от глаз сестры. – Но тебе его не видать, старая навозная жучиха! Так что можешь убираться туда, откуда пришла...

– Я уйду, – согласно кивнула Клотильда. – Сейчас я и впрямь уйду. Но завтра – помни, что завтра я уже буду в этом лесу, и я буду здесь искать встречи с тобой. До приятных свиданий!

И тень неслышно истаяла, только звезды на чернильном небе как будто слегка померкли на миг, а затем быстро разгорелись вновь.

Старая друидесса недвижно смотрела на пламя. Костер понемногу угасал, угольки выкапывались из огня, умирали, но мысли Ралины были далеко. Она вспоминала, и видения медленно всплывали перед ее глазами, словно давно остывший воздух над огнем, который уже никому не мог обещать тепла.

Клотильда наклонилась над блюдом и разом замутила в нем воду. Сколько стоит мир, столько же и живет в нем магия, но по-прежнему, как и встарь, ничего нет надежнее древнего, проверенного ведовства, усмехнулась она. Все эти новомодные штучки пройдут, канут в воду, опустятся на дно, как безнадежно тонет по весне старый ноздреватый озерный лед, еще хранящий на своем теле острые следы зимы. И только старинное ведовство останется, и все так же будут в деревнях наливать воду в широкие плоские блюда, бросать туда заговоренные травы и порошки и тихо нашептывать заветные слова.

Мысли ее вновь возвратились к сестре. Она хмыкнула, зябко повела плечами, плотнее запахнулась в платок, несмотря на то, что огонь в очаге горел светло и жарко. Все-таки в этом мире за все сущее приходится платить, и ведовство – не исключение. Клотильда почти физически чувствовала, как в последние годы сладкая влага жизни истекает из нее, как вода из прохудившегося кувшина, на поверхности которого пока еще вроде бы не найти и одного отверстия, но они есть, есть...

Тем не менее, сейчас у Клотильды было хорошее настроение. Более того, она была почти довольна жизнью, что с ней и в юные-то годы случалось не часто. Сестрица-предательница все-таки не показала ей перстень Властителей Круга, хотя и признала, что он у нее есть. Более того – она так и не показала ей руки, именно Той руки! А ведь этого Клотильда жаждала сейчас больше всего, из-за этого она, пожалуй, и прибегла к забытому ведовству, к которому не обращалась уже много долгих лет. Значит, паршивый Ткач с рябым тогда все-таки сказали правду...

Ведьма медленно, как сомнамбула, поднялась. Невидящими после магии глазами Клотильда отыскивала в комнатухе свой сундучок с пыточным инструментом, нечувствительными после ведовства руками осторожно сгребла поблескивающие металлом и отсверкивающие зачарованным стеклом щипцы, ножички и свои самые любимые крючки, после чего осторожно положила все на стол, подальше от огня. Затем легонько потянула мягкую бархатную подстилку, которая с тихим треском отклеилась, открыв маленькое углубление в дне – тайничок. Внутри лежало что-то маленькое и продолговатое, плотно завернутое в белую тряпицу и крепко перевязанное цветной ниткой. Сморщенные сухие пальцы осторожно вынули спрятанное и бережно сжали, дабы не выронить драгоценное содержимое тряпицы.

За эту вещь уже давно изрядно помутившаяся разумом Клотильда отдала бы сейчас, наверное, все сокровища на свете. Тем более что в минувший час стоимость ее еще больше возросла и окончательно подтвердила свою исключительную для ведьмы ценность.

Все ее бросили, горько усмехнулась Клотильда. Опять, как бывало и прежде, она оказалась нужной и, возможно, даже единственно необходимой – но лишь до определенных пределов. А затем ее попросту забывали, как забывают в брошенном доме мусорное ведро или половую тряпку. Так случилось и в этот раз. Ну, что ж, у нее будет больше времени для того, чтобы подумать и о своих заветных желаниях. Особенно тех, что многие годы сжимают ей сердце и иссушают душу неизбывной жадой мести.

Клотильда положила тряпицу на стол, легким движением развязала узелок на нитке и развернула. На чистой тряпичке лежал палец. Палец был человеческий, тонкий, уже изрядно высохший и от этого приобретший коричневатый оттенок. Он был отрублен или отрезан очень аккуратно – издали могло показаться, что это просто деревянный сучок, и только поблизости можно было различить плоский вытянутый ноготь. Клотильда смотрела на свое сокровище и довольно улыбалась.

– Ткач не солгал, – прошептала Ралина. – Они не смогли уничтожить проклятую сестрицу, позорно и примитивно купившись на дешевый фокус с наведенной иллюзией, но они таки сумели отхватить у нее палец – в знак доказательства будто бы исполненного предприятия. Старая обманщица упорно держала руку под плащом, закрытой. Интересно, догадывается ли она, что частичка ее тела – у меня? А это... Это ведь очень, очень многое значит! Конечно, имея определенные знания!

Ведьма даже прищелкнула языком от удовольствия, но тут же воровато и подозрительно оглянулась, словно кто-то мог за ней подсматривать или подслушивать.

– И я сумею, я вытащу из этого незначительного обстоятельства, – она взглянула на отрезанный палец почти с нежностью, как воспитанная девочка – на долгожданную куклу, – все, что смогу. Потому что сейчас это – мой единственный шанс. И, похоже, последний.

Она уселась возле очага, вытянула свои натруженные ноги и погрузилась в собственные мысли. Клотильде необходимо было полностью расслабиться и освободить голову от ненужных мыслей – с этого начиналась подготовка к сотворению Заклинания.

«Не понимаю», – думала Ралина. «Вот хоть ты тресни!» С каждой минутой у нее становилось все тревожнее на душе, как пустой кувшин понемногу переполняет тоненькая, но отнюдь не иссякающая струйка воды, уровень который становится все выше и выше, неуклонно приближаясь к критическому. «Одно из двух. Либо она желала убедиться, что перстень Круга все еще у меня, либо... Либо она очень хотела что-то увидеть у меня в руках. Что-то другое. Но что же? Очень странно! И самое неприятное в том, что у меня по-прежнему нет ни одной мысли по этому поводу. Чего она хотела? Что ей было нужно? Какие такие откровения надеялась она найти в моих руках? Или она таким странным способом что-то пыталась понять, уяснить для себя?»

Старая друидесса придирчиво взглянула на свои руки и скептически поджала губы. Длинные ладони, тонкие пальцы, уже порядком пересушенная кожа – до мазей ли сейчас и лекарственных притираний? Конечно, они теперь уже далеко не те, что были в молодые годы, но все-таки руки как руки. За исключением, разумеется, известного изъяна. Но он несколько не мешает ей спокойно жить и по-прежнему творить заклинания и магические пассы вот уже несколько лет после того досадного случая. Странно...

Сестричка Клотильда всегда была искусницей и мастерицей на всякого рода ловушки и западни, об этом Ралина помнила еще с детства, когда она была не Верховной друидессой, а маленькой девочкой. И хоть в хитроумные силки и продуманно расставленные петли ее младшей сестренки, поднаторевшей в этом деле не чета мальчишкам, попадались главным образом несмышленные мышата из хлебного амбара или глупенькие пернатые пичуги, привлеченные горстью семечек, рассыпанных в петле силка, Ралина вдруг почувствовала себя мудрой старой мышью, которую сейчас готовятся провести на мякине. Потому что, если Сложное всегда

можно предположить, хотя бы по его подготовке и связанным с этим неизбежным шумом и возней в стане неприятеля, то от Простого защититься заранее зачастую невозможно. Потому что у Простоты всегда слишком много, неисчислимо много вариантов.

ГЛАВА 9

ПТИЧЬЯ КЛЕТКА

– В детстве я всегда был завзятым любителем птиц. Не веришь? – усмехнулся Сигурд. – И зря, между прочим. Мало кто из соседских мальчишек мог сравниться со мной в умении распознавать голоса всяких пичуг. Еще подходя к лесу, на первой же опушке я уже мог слышать и определить самых разных птиц, что пели вдали: кто сидит на гнезде, кто кормится, кто ухаживает за кем, ссорится, озорничает... Птицы, Ян Коростель, – Сигурд вздохнул чуть ли не мечтательно, – они великие озорники. Поэтому за ними постоянно нужен глаз да глаз.

– А мне кажется, что ты все лжешь, – тихо сказал Ян. – И про детство, и про птиц, и про мальчишек соседских. Ты, по-моему, совсем не похож на человека, у которого могут быть друзья.

– Вот как? – заинтересовался Птицелов. – Скажите, пожалуйста! И на кого же, по-твоему, я похож?

– Сам на себя, – еще тише ответил Коростель.

– Вот те раз! Ну, допустим. И что же в этом плохого? – шутовски всплеснул руками Птицелов. – Человек и должен походить сам на себя, на кого же еще?

– Не в этом дело, Птицелов, – мрачно посмотрел на него Ян, встретив насмешливый взгляд зорза. – Ты просто больше ни на кого не похож. Ни на кого и ни на что. Совсем. А человек не должен быть... таким. Человек – он... Он всеми бывает, – пробормотал Коростель.

– А ты, значит, похож на эту голенастую птицу, что по осени шагает себе пешком в теплые страны? – усмехнулся зорз.

– Может быть, – согласился Коростель. – Но, прежде всего я похож, наверное, на своих отца и мать.

Несколько мгновений Птицелов сидел без движения, затем быстро поднялся и ушел к воинам. Те испуганно вскочили со своих лежанок, сооруженных из мешков и полушубков, но страшный колдун только скользнул по ним взглядом, опустил у костра в отдалении и так просидел здесь весь остаток привала. Затем воины поднялись, к Яну как всегда подошел чудин с коротким копьем наизготовку, делая вид, что сейчас легко тыкнет его в спину. Коростель нехотя поднялся и побрел вслед за Лекарем. Спиной он постоянно чувствовал сверлящий его взгляд Колдуна, а случайно встретившись глазами с Птицеловом, Ян заметил, что Сигурд демонстративно отвернулся.

На очередном привале Птицелов долго о чем-то тихо беседовал со своими подручными и в течение разговора несколько раз махнул рукой в сторону Коростеля. Ян ждал, что теперь что-то, быть может, переменится в его судьбе, но до следующего привала они вновь шли в том же порядке: Ян – в хвосте, Колдун – замыкая цепочку.

На следующей остановке разожгли костер и стали готовиться на ночлег. Птицелов вновь долго разговаривал со старшими из союзных воинов. Оба его подручных сидели возле огня, неподалеку от Коростеля, но разговора он не слышал. Тогда Ян натянул на себя всю одежду, что нашлась поблизости, и, смежив веки, отчаянно попытался заснуть, поскольку намаевшись после дневного перехода так, что все тело гудело, и он не чувствовал под собою ног. Наконец это ему удалось, и он забылся во сне, однако очень скоро проснулся оттого, что отчаянно озяб. Коростель собрался было уже сбегать до ветру, как вдруг услышал рядом негромкий голос Лекаря. Костер за несколько часов привала уже порядком поугас, пламя, и без того не высокое из-за строжайшей экономии топлива – строжайший приказ Птицелова всем костровым, – уже не гудело, а лишь потрескивало в глубине угольками. Поэтому Ян обнаружил, что хоть плохо, но вполне может расслышать слова, если очень чутко внимать беседе его конвоиров-зорзов. И он сразу наострил уши и затаил дыхание.

– Во всем этом столько же дешевого авантюризма, сколь и похвальной дерзости, – задумчиво проговорил Лекарь, раскапывая из углей на своем краю костра запеченную хлебную корку.

– Нашему достославному Мастеру Сигурду в равной степени свойственны и то, и другое свойство человеческой натуры, – осторожно заметил Колдун. – Хотя сейчас случай, наверное, исключительный, в этом я с тобой, пожалуй, согласен. Но только что это меняет?

– Мне в последнее время все чаще начинает казаться, что Сигурд мечется от одной цели к другой, от человека к человеку, от одного колдовства до другого. А ведь, помнится, раньше ему было глубоко наплевать, к примеру, на людей, – Лекарь извлек из красного, дышащего жаром марева углей обугленный кусочек хлеба и принялся брезгливо отщипывать сторевшую корку.

– Ты имеешь в виду мальчишку? – понизил голос Колдун, и Ян весь подобрался, поняв, что речь сейчас пойдет именно о нем.

– И парня, и его смазливую девку, а еще – отступника-друида, из этих Зеленых сумасшедших, – кивнул Лекарь. «А это уже о Молчуне», – догадался Ян, делая попытку незаметно повернуть голову, чтобы лучше слышать. «Так значит, он сейчас в отряде, который уводит Руту! Плохо дело...»

– Наш мастер Сигурд, как ты выражаешься, только и делает, что допускает просчет за просчетом, особенно – у Парома Слэз, – в голосе Лекаря явственно слышались раздраженные нотки.

«Ого, да тут пахнет бунтом на корабле!» – смекнул Коростель. А вот интересно, нельзя ли, подумал он, попытаться вбить в это единство хозяина и его преданных гончих псов маленький, но крепкий и острый клин? И еще лучше – совсем неприметный.

– А ты уверен, что это – только просчеты? – продолжил зорз. – И наша лодка все еще имеет над собой надежный парус?

Колдун не ответил, но, как понял Ян, слушал очень внимательно и, по всей видимости, сейчас молча размышлял над словами своего товарища.

– Я и прежде видел, что не все в порядке с нашим Мастером, но всерьез задумался об этом, только узнав о страшной судьбе Старика, – Лекарь меланхолично теребил хлеб, мял в жестких руках, перетирая мякиш, и крошки дождем сыпались в золу. – А как ты думаешь, разве Сигурд не мог спасти Старика, изменив его посмертную судьбу? Старика, который месяцами лазил по завшивевшим деревьям, выискивая нищих и юродивых, у которых Птицелов что-то там искал в селезенках и прочих кишках? Ведь даже мне тогда, единственному из всех нас, кто хоть что-то знает об этих видах магии, об этих проклятых некромантских делах, Сигурд так ни разу и не сказал о цели своих поисков. Ни слова! Даже намеком! А я думаю, он был в силах вмешаться в жребий Привратников и вытащить для Старика более приемлемый вариант вечного упокоения!

– Вот те раз... – протянул Колдун. – А я-то думал, вы с ним в этих делах всегда были заодно...

– Однажды Сигурд действительно дал мне несколько... несколько кусочков ткани, – Лекарь задумчиво почесал подбородок. – Но я не обнаружил в них того, что он искал.

– Какой еще ткани? – недоверчиво покосился Колдун. – С каких это пор ты подвизаешься на рваных тряпках?

– Так в лекарском искусстве именуют кусочки тел – кожи, мяса, кишок и прочих внутренностей, – пояснил Лекарь, и Колдун брезгливо поморщился. – Впрочем, дело не в этом. Сигурд должен был, да что там – просто обязан был вытащить Старика из Посмертия! Тем более – зная, какая, прямо скажем, незавидная судьба была ему уготована черным Привратником!

Лекарь перевел дух, и покосился в сторону спящего Яна и охраняющих его воинов. Ян затаил дыхание, а Колдун поискал взглядом Птицелова. Тот крепко спал поодаль, и через несколько минут зорзы вернулись к прерванному разговору.

– Старик, можно сказать, закрыл его своим телом, а Сигурд воспринял это как должное, как само собой разумеющееся! А потом попросту забыл о нем! Я никогда не питал особого расположения к Старiku, да и все мы здесь, но, например, на моем языке это значит «предать»...

Колдун задумчиво поиграл желваками, легко переломил в крепких пальцах сухую веточку.

– Мне не нравится другое, Лекарь. Этот мерзкий друид, которого он навязал Кашлюнчику. Зачем он Сигурду, скажи на милость? Чего он носит с этим сумасшедшим немом, как с писаной торбой? Разве можно верить предателю? Единожды предав, изменишь и вторично! И вот полюбуйся: теперь они ведут впереди нас глупую девку, которая, похоже, вообще ничего не понимает, что с ней собираются сделать. А мы тащим за ней, как глупые ослы, этого мальчишку! Как вам это понравится? И все потому, что мастеру Сигурду так угодно, у него, видите ли, есть на этих голубков свои виды!

Коростель похолодел. До этой минуты он был уверен, что Руту ведут специально перед ним, как приманку, и ни для чего иного девушка зорзам больше не нужна.

– Если у Сигурда не выйдет с духом Камерона – жаль, что мы тогда его упустили, – то он, скорее всего, начнет отправлять в Посмертие всех подряд – мальчишку, его девицу, потом – немого друида, хотя тот вообще, похоже, не в себе. А вот что будет потом, если его планы не сыграют, и все это окажется бреднями? Как ты думаешь?

Колдун пристально смотрел на своего товарища, словно хотел удостовериться, что его слова попали на благодатную почву.

– Бедный Старик! – Лекарь словно очнулся от раздумий и усмехнулся. – А знаешь, он меня даже немного побаивался! Он был самый недалекий из всех нас. Но ведь это не значит, что нужно предавать своих!

– Нам стоит хорошенько подумать, – Колдун назвал Лекаря по имени, но слово прозвучало тихо и неразборчиво, и Коростель его не расслышал. – По-моему, уже наступает время, когда нам с тобой нужно быть вместе. Не знаю, что сказал бы Кашлюнчик, я его всегда считал темной лошадкой. Но я бы для начала с большим удовольствием прирезал этого немого друида – у меня к нему давно есть свой маленький счет, хотя он может об этом и не подозревать. Потом избавился бы от мальчишки, с которым Сигурд уже давно возится как с величайшим сокровищем мира. Что там у него еще за ключ такой? Магическая цапка? Так ей цена – ломаный грош за десяток в базарный день, и наш упрямый мастер Сигурд никак не может это себе втемашить. Он, по-моему, просто утонул в собственных фантазиях. Но мы-то с тобой тонуть не желаем, верно?

Коростель и представить себе прежде не мог, что зорзы могут так отзываться о своем хозяине, пусть даже и за глаза. Видать, наболело, подумал он и снова весь обратился в слух.

– Остается девчонка, с которой можно потом неплохо позабавиться, – мерзко усмехнулся Колдун, и Ян готов был в эту минуту задушить зорза голыми руками. – Ты ведь в свое время не чурался таких развлечений, верно? – подмигнул Колдун своему напарнику, но Лекарь не ответил ему ничего.

– Что же касается наших славных вождей и прочих великих вояк, то их можно на обратном пути гнать перед собой как щит. Они помогут пробиться до известных нам с тобой скал. Думаю, заклинание ты еще не забыл?

Лекарь вновь промолчал, но теперь его молчание больше походило на знак согласия.

Удивительно, как они поменялись ролями, подумал Ян. Разговор-то начал Лекарь, он вроде бы как застрельщик восстания, а вот ведь – теперь молчит, и говорит главным образом Колдун. Нет, в этой парочке пауков согласию не быть!

– Война уже заканчивается, – продолжал Колдун. – И вовсе не в пользу наших союзников, как следовало бы ожидать. Значит, пора нам с тобой, друг ситный, подумать об укромной

берлоге, куда на время можно залечь и переждать все эти бури, которые неизбежно разразятся над головами побежденных. И, кстати, было бы неплохо, если в этой берлоге будет тепло и сытно. Как ты думаешь?

– Ты говоришь хорошо. И правильно, – кивнул Лекарь и медленно поднял голову на Колдуна, чуть ли не пронзив его взглядом до самого дна его черной души. – Вот только остается самый главный вопрос, который меня беспокоит сильнее всех прочих. И я пока не знаю, как его разрешить.

– Ну, так давай помыслим вместе, – осторожно предложил Лекарь. Оба зорза пристально взглянули друг на друга, и Яну показалось, что в этих двух парах глаз сейчас должен быть невысказанный вслух приговор Птицелову.

В этот миг словно кто-то грустно и почти неслышно рассмеялся в голове Коростеля, и тот же голос явственно прошептал в его ушах:

– Луна отражает лики берез. Петля захлестнула карман птицелова...

Коростель услышал эти слова так явственно, что ему даже показалось, что он узнал, если и не сам голос, то, во всяком случае, человека, произнесшего их. Ян был уверен, что это сам Шедув учтиво постучался в его душу, пусть это и продолжалось всего одно короткое мгновение. Но что хотел сказать этими словами неутомимый дух, этого Коростель не знал.

Но теперь Ян понял: отныне у него появились новые враги, может быть, и не столь могущественные, как Сигурд, но зато – энергичные, решительные и, похоже, уже готовые действовать. Хотя, они и не переставали быть таковыми никогда. И он, Коростель, был сейчас для Лекаря и Колдуна не более, чем досадной помехой. Если, конечно, они не лгали сейчас, глядя друг другу в глаза.

Получалось, что покуда Птицелов тщательно вязал узлы ловушки для своих врагов, его друзья уже готовили ловушку для него самого. Хотя могут ли бывшие слуги быть друзьями? И теперь Коростель неожиданно для себя оказался между двух огней. Оставалось лишь одно – не дожидаясь чьей-то победы, бежать.

ГЛАВА 10 ВО ТЬМЕ

До этого вечера Ян Коростель старательно гнал от себя мысли о побеге. Он так до сих пор и не разобрался в своих чувствах, прекрасно понимая, что надеяться отбить у зорзов Руту было для него делом поистине безнадежным. Но он ощущал нутром некую странную, тайную и, возможно, даже неосознаваемую каждым из них, свою связь с Птицеловом. Помнится, зорз даже сказал ему это открыто в их последнюю встречу, будучи уверенным, что именно он, Птицелов, держит в руках все нити этой связи. Это была несвобода, но у Коростеля всегда была своя внутренняя свобода в выборе и принятии решений. Поэтому сейчас, зная намерения Сигурда и услышав о планах Лекаря и Колдуна, осознав их и ужаснувшись, Ян Коростель решил положиться на волю случая и оборвать эту связь решительно и не раздумывая ни минуты. Он поначалу даже уверился, что, зная досконально, как ему сейчас казалось, все планы Птицелова, он способен их изменить, во всяком случае, попытается это сделать. Но, не зная, чего все-таки хотят на самом деле, и, зная – на что способны озлобленные подручные Сигурда, Коростель мучился от сознания собственного бессилия.

Ян и прежде в эти дни старался не думать о Руте, чувствуя, что он все равно не спасет ее даже ценой своего согласия, если не будет свободен. После своего поражения со Снегирем Птицелов обязательно примет все меры, чтобы не упустить из рук ни одной, даже самой тонкой, ниточки своей воображаемой власти над Яном. А была она, или же это было всего лишь многозначительное бахвальство зорза, Ян не знал наверняка. И теперь Коростель решил испытать прочность этой связи – ему, как он теперь понимал, просто больше ничего не оставалось делать. Лекарь и Колдун страшили его, хотя одновременно и радуя мыслью о расколе в отряде зорзов. И он решил бежать, не ожидая развязки заговора. От нее он теперь не ожидал ничего хорошего для Руты, а значит – и для себя.

Они уже второй день шли под сводами каменных галерей, изредка вступая в странные, неведом кем вырубленные в камне залы, комнаты и коридоры. Иногда потолки поднимались высоко над головой, но чаще своды начинали давить, и они шли, едва ли не согнувшись в три погибели. Коростель не знал, что у Птицелова уже не хватало сил с помощью магии миновать эту дорогу гораздо быстрее, но догадывался, что у зорзов все пошло вовсе не так, как они прежде предполагали. А связав воедино то, что он уже знал, Ян продолжал лелеять надежду, что судьба все же рано или поздно преподнесет ему нечаянный подарок.

По каким-то им одним понятным ориентирам зорзы всегда безошибочно определяли во время их подземного пути время суток. Шли весь день с редкими остановками для еды, днем питались урывками, вечером ели плотно и сразу укладывались на ночлег возле пылающих костров. Стража сменялась за ночь трижды, и хотя Яну не возбранялось иногда вставать и отлучаться от огня, он чувствовал себя под постоянным надзором бдительных стражей, которые видели в полутьме подземелий, кажется, не хуже, чем в ночном лесу. А в том, что ночью с чужинскими охотниками и воинами саамов лучше не встречаться на лесной тропе, Коростель был немало наслышан от друидов.

Когда сменилась вторая стража, Коростель несколько раз перевернулся с боку на бок, поворчал что-то невнятное, якобы сквозь сон, и затем с кряхтением поднялся со своей лежанки, которую соорудил себе сам из выданного ему теплого саамского полушубка. Ян сделал несколько нетвердых шагов, позевывая и нарочито припадая на правую ногу, которую действительно в пути немного сбил, хотя и не настолько, как хотел сейчас продемонстрировать своим сторожам. Поодаль у огня сидели Лекарь с Колдуном и тихо беседовали. Коростель уже примерно догадывался о теме их разговоров, и весь день, встретившись глазами с одним или другим, тщательно старался пригасить в глазах огонек знания. Лекарь задумчиво покосился на

Коростеля и вновь повернулся к своему собеседнику. Птицелов спал сбоку от них, возле самого большого костра, укрывшись с головой плащом. Ян не спеша доковылял до угла начинавшейся неподалеку очередной галереи. Еще в первый день ему было строго-настрого запрещено отходить из поля зрения и ночных, и дневных сторожей. Поэтому он присел на корточки и особым образом надавил на уголки глаз, как научил его однажды еще Лисовин в самом начале его лесных странствий с друидами. Коростель подождал, когда глаза вновь обретут способность видеть, привыкнув к темноте, и осторожно огляделся.

Вокруг, куда ни кинь взгляд, тянулись сплошные каменные стены подземного хода. Коростель уже заметил, что они идут по пути, явно знакомому зорзам, и даже остановки делают в особенных местах. Едва только воины устало опускались наземь и вытягивали натруженные дорогой по каменным плитам ноги, Птицелов неизменно совершал один и тот же странный ритуал. Он подходил к стенам, которые казались ему более сырыми, нежели другие, и придиричиво их осматривал. Затем, сделав выбор, зорз приникал и прижимался к ним всем телом, широко раскинув руки, будто намеревался обнять полностью это проклятое, нескончаемое подземелье. Некоторое время он оставался в этом положении, причем Яну однажды послышался тихий шепот зорза, произносившего явно слова заклинания, причем в это время глаза его были неизменно закрыты. Однако, как он ни вслушивался, Коростель так и не смог ничего разобрать; некоторые слова, которые он расслышал, принадлежали, по всей видимости, какому-то неведомому языку некромантов, которого, скорее всего, и на свете-то уже не существует. Уже несколько раз Птицелов проделывал эту процедуру, однако ни разу не получил видимого Яну результата. Во всяком случае, после своего общения с каменными стенами зорз выглядел более подавленным, чем обычно, и в эти минуты от него старались держаться подальше не только воины, которые боялись его панически, несмотря на свои внушительные размеры и разбойничьи рожи, но и двое зорзов. Те всю дорогу неизменно держались рядом, но каждый не упускал из вида Птицелова, который, похоже, один знал дорогу во всех подробностях.

В первую ночь стражи присматривали за Яном особенно тщательно, однако за следующий день приобвыклись, и один из саамов даже угостил Коростеля сушеным рыбьим хвостом. Ян принял изрядно пованивающий подарок с благодарностью, подумав про себя, что неплохо бы иметь среди воинов дружественного человека. Впрочем, это еще ничего не значило.

Теперь же Коростель приметил и запомнил место, где этим вечером, перед тем, как отправиться на ночлег, Птицелов вновь пытался проделать свой непонятный обряд. К счастью для Яна, как позже выяснилось, оно сейчас было рядом с ним, буквально рукой подать. Но в то же время эта стена была и на виду у сторожей, беззаботно греющихся у костра. Наконец глаза Яна благодаря секрету друидов приобрели способность острее видеть во тьме, и Коростель внимательно огляделся, обшаривая взглядом окружающие его стены. Они смутно темнели в неверном свете костра. Стражи, бросив на Коростеля несколько внимательных взглядов, перекинулись словами и о чем негромко засмеялись. Громче всех смеялся именно тот воин, что давеча угостил его тухлой рыбой. Коростель выругался про себя, и в этот миг вдруг увидел в нескольких метрах возле чернеющего входа в очередную галерею небольшое отверстие в стене. Странное дело: когда они устраивались на ночлег, а стражи разводили костер, было гораздо светлее, но никакой дыры в стене Коростель тут не заметил. В том числе – и на этом месте, где Птицелов как раз совершал свой непонятный и в очередной раз не удавшийся ему обряд.

Так может быть, магический ритуал зорза все-таки увенчался успехом, и его заклинания в итоге возымели действие? Но случилось это отнюдь не сразу, и все эти вечерние и ночные часы отверстие в стене медленно, постепенно открывалось? Коростель замер на миг, почувствовав, что сейчас он, возможно, на верном пути. Похоже, Птицелову была известна прежде эта дорога, и в определенных местах ее он пытался найти совсем другую. Или другие. Ян похолодел. Да, именно! Другие Дороги!

Пути, о которых вскользь упоминали друиды, когда рассказывали ему о заповедных лесах Служений. Они ведь сейчас тоже идут Другой Дорогой, одной из тех, что известна зорзам, или лишь одному Птицелову. Если только она и не принадлежит ему одному...

Один из караульных бросил долгий и внимательный взгляд на Коростеля, по-прежнему сидящего в стыдной позе. Ян почувствовал, что сторожа уже недовольны его долгим отсутствием возле костра, и понял: нужно решаться, сейчас или никогда. Коростель совершенно не был уверен, что это отверстие – не обычная в этих подземельях ниша в половину человеческого роста, которые попадались им частенько за эти два дня. Это могла быть и просто выбоина в стене, истинная глубина которой весьма обманчива при свете дальнего костра. Ян улучил минутку, когда один из сторожей поднялся, чтобы подбросить немного хвороста в угасавший костер. Несмотря на то, что чудиные и саамские воины несли на своих плечах вязанки валежника, Птицелов велел экономить топливо. Видимо, путь им предстоял неблизкий, раз с магией у Сигурда с самого начала не заладилось. Коростель подсмкнул штаны, вскочил и на мягких цыпочках пробежал к отверстию в стене. Оно было на уровне его пояса и, к счастью, достаточно широко для того, чтобы туда протиснулся человек. Ян зажмурился, с каким-то опустошенным чувством ожидая, что сейчас уткнется головой в камень, и нырнул в глубину дыры. В глубине души он думал, что его вряд ли убьют, если сейчас схватят, он слишком был нужен Птицелову, но всего минуту назад у него была надежда, и он хотел не упустить даже столь шаткого и неверного шанса на спасение.

Рослый чудин обернулся на шорох, но то ли его обманули тени на стене, то ли воин действительно не успел заметить, как Коростель юркнул в дыру, но он отчаянно завопил, указывая своим товарищам на темнеющий вход в галерею. Сторожа загалдели, тут же вскочили ничего не понимающие спросонья Лекарь с Колдуном, а Птицелов был уже на ногах. Воины тем временем подбежали к галерее и сгруппировались возле нее, опасливо заглядывая в коридор. Птицелов быстро натягивал одежду и плащ, запахиваясь от холода и сырости векового камня. Двое его подручных уже заметили отсутствие пленника: Лекарь подбросил в огонь охапку хвороста и внимательно оглядывал стены, а Колдун поспешил к сгрудившимся у входа в галерею воинам с большим факелом в руке.

Птицелов издал тихое восклицание, и Лекарь быстро обернулся. Сигурд расширенными от возбуждения глазами смотрел на отверстие в стене, ноздри его трепетали. Этой дыры еще два часа назад здесь не было, подумал Лекарь. Но рослый чудин оказался проворнее. Страшась наказания за сбежавшего пленника, незадачливый сторож, который тоже заметил дыру в стене возле очередного коридора, опустился на колени и заглянул в дыру. Но там было темно, и он быстро схватил свой факел, лежавший рядом. В мгновение ока чудин просунул горящую ветку в дыру и попытался осветить им внутренность лаза.

– Убери огонь! – страшно закричал Птицелов и бросился к нему со всех ног. Чудин от неожиданности вздрогнул, обернулся к страшному, самому могущественному колдуну, которых он только встречал на свете, и тут же выхватил пылающий факел из подземного лаза. При этом огонь лизнул край отверстия. В один миг стена вдруг занялась огнем, из дыры тоже вылетел сноп пламени, далеко отбросив незадачливого сторожа, и откуда-то из глубины лаза послышался грохот. Стены задрожали, и каменные своды обрушились за мгновение до того, как Птицелов протянул к ним руки и выкрикнул первые слова скрепляющего заклинания. Вход на Другую Дорогу, которую хоть и не сразу, но все-таки открыло мрачное искусство зорзов, завалило.

В двух десятках метров от них, в глубине подземного хода, такого узкого, что внутри невозможно было развернуться, чтобы ползти назад, Коростель услышал низкий грохот. Над ним тут же посыпался песок, за шиворот набились острые камешки. Вход обрушился и теперь, похоже, серьезно завален камнями, понял Ян. Он невесело усмехнулся: пожалуй, это его и

спасло от погони, если только навеки не погребло в узком каменном мешке неизвестной длины, у которого вполне мог оказаться лишь один вход.

Постепенно чувства успокоились, Коростель отдышался и впервые попытался обернуться. Это ему удалось, и он даже немного расправил плечи. Однако развернуться обратно полностью, всем телом, он при всем желании не сумел бы. Впрочем, ему это было не нужно. Вход завалило, и, судя по всему, основательно – он совсем не слышал голосов ни зорзов, ни воинов, которые сейчас уж точно должны были попытаться раскопать вход и вообще всячески суетиться, дабы загладить свою вину перед колдунами. А перед Коростелем путь теперь лежал только вперед, и он когда-то должен был привести его хоть куда-нибудь. О тупике Коростель старался не думать. Поразмыслив, Ян пришел к выводу, что вряд ли этот узкий лаз создан кем-то, кроме самой природы, потому что человеку передвигаться здесь было весьма затруднительно. Разве что только этот ход был создан для карликов, но о таких подземных путях он что-то никогда не слышал, да и в карликов-рудокопов не очень-то верил. По всей видимости, это было пересохшее русло подземных вод или что-то в этом роде, и поскольку ручьи всегда должны куда-то впадать, оно рано или поздно должно его привести куда-нибудь, где он сможет хотя бы развернуться. Конечно, это было лишь предположение, и лаз мог вполне привести его в тупик или сузиться настолько, что туда не сумеет протиснуться никто на свете, но Коростель убеждал себя, что рано или поздно этот узкий подземный ход должен был расшириться. Впрочем, больше Яну все равно ничего и не оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.